

ЛЮБОВЬ

Александра Ивановича мы потеряли уже в Болгарии. Спускались с гор. Все вылезли из автобуса полусонные «выразить мнение» (у нас для подобных остановок утвердился именно этот термин) и после плохо пересчитали людей. Только часа через полтора Татьяна Васильевна первая заметила отсутствие нашего белгородского спутника, который, представляя у себя заметную величину (зам председателя Совета двенадцати приграничных областей, если не путаю), в «славянском ходе» держался скромно, не выступал, «не высовывался», и его действительно можно было не заметить.

Остановились в поле. С мягких увалов сбегали платы убранного и перепаханного жнитва и еще не убранной сухой желтой кукурузы. По шоссе со свистом проносились машины. Вдоль дороги тянулась канава не канава, а скорее узкая долинка, кое-где заросшая кустами, опять же кое-где вырубленными и сложенными в кучи, уже затянутые высокою травой.

После короткой сшибки нашего патриарха и предводителя мурманского писателя Маслова с поэтом Тимофеевым. (Спор шел, кому оставаться тут на случай - вдруг Александр Иванович проедет на попутке и разминется с автобусом? - «Я говорю!» - «А я говорю!» - «Вы должны!» - «Нет, вы должны!» Все это было похоже на оголенный провод, сыплющий искрами, но и быстро окончилось.) Маслов сдался и уехал искать Александра Ивановича. Тимофеев остался. Надо сказать, возвращаясь из Республики Сербской, мы все устали, и даже не столько физически, сколько морально. Приходилось узнавать о таковом, что нормальному человеку почти не вынести.

Остались, кроме меня, несколько человек. Тимофеев с Диной Николаевной (в дороге все как-то, перезнакомившись, разбились на пары: кто с кем сидит, кто к кому тянется, кто кому симпатизирует, ну и даже, в моем случае особенно, любви все возрасты покорны). Тимофеев с Диной Николаевной в автобусе сидели рядом, всю дорогу разговаривали, помогали

друг другу, так что Дина Николаевна заслужила прозвание музы поэта. А и тут вскоре, соорудивши костер, они отошли в сторону, погулять, и завели разговор о возвышенном. А маленькая востроносая Татьяна Васильевна, от которой нашим мужчинам больше всего доставалось за неумение себя вести, осталась чистить картошку в столовой ложке воды (воды в окрестностях не было никакой, а идти за пять километров в деревню и тем задержать возможный отъезд - не рискнули). Опять же, коли не путаю, осталась и Надежда Большакова (представитель маленького, но христианского народа саамов и т. д.), всю дорогу вносившая в наш «ход» тот крайне надобный во всех подобных затеях оттенок несерьезности и юмора, без которых, пожалуй, мы бы все и устали впятеро, и переругались вдесятеро противу сущих норм. В Приднестровье любвеобильная Надежда заявила епископу Дубоссарскому Юстиниану - верно, очаровательному человеку: живому, веселому, песельнику и редкой умнице (он решительно все понимал, что происходит в стране, - нам бы таких иерархов поболее, иное бы и не смогло происходить!), - что он ей очень понравился и она хочет его поцеловать. Будучи монахом, епископ смутился. Маслов потом накинулся на Надежду с выговором, та плакала, а я ее утешал, объясняя, что все-таки не всякое позволительно говорить духовному лицу, да еще принадлежащему к черному духовенству... А Надежда, всхлипывая, отвечала, что она «совсем не это имела в виду». Так вот, Надежда, кажется, осталась тоже, и двое мурманских поэтов-журналистов, составивших Общество друзей сербов, два Дмитрия, Ермолаев и Коржов, остались. На дороге они укрепили флаг, к нему приделали плакат с надписью «Русская застава». К нам потом подъезжала болгарская милиция выяснять, что за застава такая, но - обошлось. Болгария не Румыния, здесь мы были все-таки свои! Кстати, настолько свои, что во время одной из остановок на обратном пути (наши все устремились в магазин тратить местные деньги, оставшиеся после обмена) ко мне подошел какой-то болгарин, с тем чтобы угостить меня водкой: его прельстил мой «русский» костюм. От водки я отказался, тогда достали бутылку красного местного

вина. Болгар было четверо. Все произнесли свои звучные имена, все глядели с добродушным интересом, после долгих усилий извлекли-таки (без штопора) пробку, разлили вино по бумажным стаканчикам, чокнулись, выпили, и стало как-то до того хорошо, что у меня почти что слезы навернулись на глаза! И все только из-за одной моей косоворотки да суконного кафтана, которые на родине вызывают далеко не однозначную реакцию. Эти лица, обожженные солнцем, костистые, эти улыбающиеся глаза вижу до сих пор. Но, однако, я отвлекся.

Не помню также, был ли (оставался ли с нами) прибившийся к «ходу» уже в Минске Сергей Дорошевич. Тоже молодой и к тридцати годам секретарь по идеологии белорусского Патриотического союза молодежи, не без гордости заявлявший, что в их организации, заменившей разваливающийся белорусский комсомол, уже 150 тысяч человек и все новые бывшие комсомольцы переходят именно к ним. У Сергея чуть-чуть смешное «мордатое» лицо, и наш кавторанг Вадим тут же прозвал его «профессором» - но он единственный, кстати, искупался в Адриатическом море, когда мы добрались туда, и, конечно, простыл, и сидел потом завязанный в женский платок тою же сердобольной Надеждой, не потерявшей великого свойства бабьей участливости ко всему нашему мужескому полу (мне она пришивала пуговицы и отмывала пиджак от пролитой сметаны, Сергея лечила от простуды, а Володю, нашего лучшего водителя, попросту взяла полностью под свою опеку). И, кстати, без подобной опеки мужчинам порою весьма и весьма тяжело!

Я потом, уже в Минске, слушал, как Сережа Дорошевич выступает, и оценил его ораторский, неожиданный для меня дар, как и острую дорожную наблюдательность. Расставался он с нами, проводив до границы Белоруссии, и едва не расплакался на прощание - до того мы все сдружились дорогой и стали в одно - «спаялись в коллектив», ежели выражаться языком советских казенных формул.

Кстати, Сергей совсем не обижался на постоянные подтрунивания

Вадима, нашего «видеолетописца». Вадим Масальский в свои тридцать два - директор телевидения Северного флота, кавторанг (капитан второго ранга), полнеющий, уверенный в себе красавец кубанец, с тою абсолютною убежденностью в своей всегдашней правоте, нередкою в южноруссах, что меня, северянина, наделенного традиционными петербургскими комплексами неполноценности и вечного сомнения, и привлекало, и отталкивало в нем. Спрашивая о чем-либо, он слегка улыбается, словно бы готовый обратить все в шутку, но слушает внимательно, запоминает и где-то, в очередной раз, выслушивает без улыбки, всерьез. У него хорошее чувство юмора и тот победительный настрой, при котором всякий считает едва ли не за честь помочь Вадиму потаскать за ним треногу, постоять во время съемок и т. д. В мыслях у Вадима - воротиться на юг, найти работу в Новороссийске, ближе к родине, хотя нынче самым крупным и, видимо, единственно боеспособным является наш Северный флот. То есть и к карьере он более или менее спокоен. В мундире, сравнительно редко надеваемом, Вадим положительно красив, да мундир - признаемся в этом! - всегда красит мужчину, сослаться тут можно на дружно-всеобщее мнение женской половины человечества. (В первых наших разговорах Вадим стоял на твердо-пацифистских позициях, традиционных для современной журналистики (да и попробуй кто из них публично заявить в наши-то дни, что силовое решение конфликтов зачастую гораздо менее кроваво и в любом случае сопровождается меньшими жертвами, чем «мирное», при котором вымариваются и истребляются тысячи и миллионы, а «сверхчеловеки», не встречая сопротивления, все больше наглеют и звереют, - позволь такое сказать кто-нибудь теперь. Ого! Какой ливень проклятий обрушится на его голову со стороны журналистской мафии, которая стоит на страже демократии, борется за отмену смертной казни и закрывает глаза на ежедневные убийства десятков и сотен ни в чем не повинных граждан).

В первых разговорах наших Вадим держался твердо канонической журналистской объективности и пацифизма: «Я был в Чечне, видел, что это

такое, - не надо больше!» И лишь потом, уже на обратном пути (мы проезжали Румынию, и каждый полицейский пост останавливал нашу машину, утверждая, что мы то слишком быстро, то слишком медленно едем; торг обычно начинался с пятидесяти долларов, затем переходил на водку и сигареты с неизменным припевом: «Дай! Дай! Дай!» - так что и водители наши, Володя с Николаем, изнемогли вконец), наш кавторанг, защитник мира и демократии, не выдержал-таки, произнеся сквозь зубы: «Некоторым нациям я бы запретил иметь свою государственность!» Я расхохотался и готов был его расцеловать - только за это вот прорвавшееся естественное мужское остервенение. Ибо и в самом деле государственность - всякая! - обязывает к соблюдению порядка и принятых, по крайней мере в этом государстве, ежели не во всем мире, правовых норм. Что бывает, ежели эти нормы не соблюдаются, мы начинаем испытывать днесь уже и на своей шкуре.

Нас в новоявленном «ноевом ковчеге», или поезде мира (можно было бы и так назвать наш «славянский ход»), было девятнадцать душ - вместе с водителями, да двадцатой присоединилась по дороге болгарская журналистка, Калина, которую мы уже и оставили в Болгарии. Народ в основном немолодой, Семену Ивановичу Шуртакову так уже и все восемьдесят исполнилось! Да тут вот, пожалуй, и перечислю всех прочих, отъехавших искать пропавшего Александра Ивановича. Пока мы варим в скудных остатках воды картошку на самодельном костре, потом мешаем ее с консервами и, наконец, едим (горячую!), что после сухомятных наших автобусных трапез кажется нам верхом гастрономической изысканности. А наевшись, вновь, уже с чувством тревоги, толкуем о пропавшем собрате. Что с ним? Не сердце ли? Не лежит ли он где-нибудь там, в кустах, беспомощный и безгласный? Вернувшийся автобус добавил страхов: Александра Ивановича так и не нашли - и только уж в ближнем городе встретил он нас, живой и невредимый, обогнавший группу на поезде.

Самого нашего предводителя Маслова я знал давно, хоть и встречались

мы редко. Сперва заочно, когда в «Севере» проходил его роман, «остановленный» в Мурманске. Маслов тогда только что слез, как кажется, с атомного ледокола, на коем проплавал двадцать с чем-то лет, сделал два переливания крови, но был полон сил и той энергии действия, которую Лев Гумилев окрестил пассионарностью. Он устраивал музей крестьянской истории в родимом мезенском селе, еще что-то налаживал, руководил писательской организацией, а меж тем росли сыновья, подрастала дочь Саша. Сам он плотнел, толстел, все более приобретал вид этакого славянского патриарха, в недавнем прошлом и бороду уже отрастил - абсолютно необходимую со всех точек зрения.

Редко встречаясь с Виталием Семенычем, я не усмотрел, когда и как именно он пришел к идее славянского единства.

Вообще-то идея эта носится в воздухе уже не первое столетие. В XIX веке она воплотилась в зримые формы, причем любопытно, что как в правительственных, так и в революционных кругах (Бакунин), и в среде славянофильской интеллигенции. Был государственный университет, готовивший гуманитарные кадры для славянских стран. Не забудем, что тогда позднейшие Чехословакия и Югославия входили еще в состав Австро-Венгерской империи, и без опоры на Россию бороться против онемечивания и потери языка тем же чехам было бы очень трудно. С другой стороны, идею общеславянской федерации выдвигали славянофилы, что далеко не всегда приветствовалось «сверху». Напомним, что в годы реакции славянофилов боялись едва ли не более чем революционеров-западников. Последние казались нашему офранцуженному обществу как-то приличнее и ближе, пока не начались теракты и подлинная охота народовольцев за царем.

В наше время, когда все вообще славяне, а православные в особенности, объявлены персоной non grata и, по теории «золотого миллиарда», подлежат уничтожению (во-вторых, подлежат уничтожению согласно идее создания мусульманской сверхимперии, а в-третьих... есть и в-третьих), идея славянского единства, по крайности как форма самосохранения, должна бы

воскреснуть - не зря же нас всех так усиленно ссорят и натравливают друг на друга! Но одно дело - вздыхать по этому поводу, другое - что-то делать, «совершать поступки». Виталий Маслов из тех, кто делает, кто совершает конкретные действия, воплощая идею в жизнь.

Он начал организацию славянских комитетов в Мурманской области, начал движение по национальному возрождению в школах, умудрился приволочь в Мурманск из Болгарии бронзовый памятник Кириллу и Мефодию, водрузив его на площади перед библиотекой. Он же первым организовал Дни славянской письменности, пошедшие потом, с Мурманска начиная, по всем городам страны и проходящие вот теперь, в связи со столетием освобождения Болгарии русскими войсками и трехсотлетием создания Русского флота.

К делу были привлечены власти Мурманской области, флот, бизнесмены, церковь. Планировался даже приезд в Сербию адмирала и ректора морской академии. Дмитрий Ермолаев летом трижды побывал в Болгарии и Сербии, попутно выучивши сербский язык. «Как успел?» - спрашиваю я. «Я люблю сербов!» - достаточно исчерпывающий ответ! Да, любовь - основа всякого творческого деяния, как ненависть - основа разрушения. В любом деле любовь к нему - начало всему, и поневоле вспоминаешь глубокую истину Христовых -всего двух! - заповедей, данных им человечеству: «Возлюби Господа своего паче себя», то есть будь готов отдать жизнь, ежели так ляжет судьба, за свои идеалы, и - «Возлюби ближнего как самого себя» (тут надо не забывать, что именно «ближнего», а не дальнего, не всех вообще, и что самого себя нормальный деятельный человек любит требовательной, взыскующей любовью, подчас выжимая из себя столько, сколько никакое внешнее принуждение выжать бы не могло). Очки придают Дмитрию несколько малохоличный, «книжный» вид. Второй Дмитрий, Коржов, чьи корреспонденции о «ходе» сейчас уже готовятся к печати в Мурманске, выглядит мужественнее, хотя, по сути, мужества не занимать ни тому, ни другому. Я люблюсь ими, ловлю себя на том, что как-

то не знал, не ведал, что в этом якобы потерянном поколении растут и уже входят в жизнь - оперились уже! - такие вот мальчики, что смена у нас есть, что она подрастает, что мы отнюдь не последние (а в семьдесят лет задумываться о смене приходится каждому!). Душа отмякает: нет, не погибла Россия! И уже нет того горького собачьего отчаяния, что охватывало некогда, в 1960-х, когда я в одиночку бросался на защиту памятников старины и когда в собранном наконец комитете были одни старики-пенсионеры - часто именитые, славные званиями и делами, но - старики! Нет, растут молодые, появились уже! Борются, пишут, творят, и дай им Бог не забуреть, достигнув высот и званий, дай сохранить жар и волю к деянию, и молодость, и чувство дружбы, и ту неизбывную любовь к родине, которая движет всеми нами в этом простом и часто смешном с виду, а на деле совсем не смешном автобусном путешествии через континент, к «последнему морю», куда дошла и где остановилась некогда волна славян-поселенцев, тоже замороженных, как и мы, голубыми волнами Адриатики, «бешеной Адриатики», по словам Горация.

И как радостно было, когда мы в сумерках входили в ворота монастыря, расположенного на обрыве, над морем, как весело было ощущать этот поток бешеного ветра, рушащегося с гор, от которого недвижные кипарисы мотались, как тряпки на ветру, а внутри келий, где мы разместились, стоял гул, и во все малейшие щели окон врывалось грозное дыхание ветра, и так всю ночь, а на заре внизу открылась синяя в барашках вода и безмерный, уходящий за окоем, простор... Но я опять отвлекся.

Та самая идея славянского единства, которую Маслов со свойственным ему упорством начал проводить в жизнь, по сути, уже в пору организации праздников славянской письменности, с необходимостью включает три пункта, или три ступени своего воплощения:

- а) духовное единство славянских народов (знание друг о друге, обмен культурными ценностями и т. д.);
- б) экономическую взаимопомощь славянских государств (в идеале -

организация общего экономического пространства). Тут Маслов тоже сумел добиться многого;

в) союз православных государств как заключительный пункт «славянского единства». Политическая организация, предусматривающая всестороннюю взаимопомощь православных, совершенно необходимую в наши грозные дни, дабы достичь перед лицом объединенной Европы и восстающей мусульманской экспансии хоть какого-то равновесия в мире.

- Союза православных государств создать не удалось! - высказал Маслов нашему общему другу Борису Романову по возвращении. Разумеется, одною поездкою, да и без опоры на правительственные круги, подобная задача заранее была невыполнима. Это в свете холодного разума. Но действовал ли русский человек хоть когда по разуму, «при тусклом свете бледного ума»? Да никогда в жизни! В этом наша и сила, и слабость, и, ежели хотите, наш исторический крест.

Во всяком случае, идея «славянского хода» все более обрастала плотью, рождала сочувствие, внимание, наконец, и помощь во всех звеньях областного руководства... Или уж, верно, назрело и сдвинулось? Так вот и автобус достали-выпросили, и водители нашлись, рискнувшие отправиться в этот поход за две с половиною тысячи километров. Месяц готовили машину, проверяя каждый болт, да и было к чему! Когда спускались ночью с Черногорья, снегу на высоте было на метр, под снегом лед, и, к счастью великому, баллон переднего колеса лопнул только тогда, когда уже мы спустились вниз и въехали в город. За рулем сидел Володя, и местные жители сказали потом, что мы безумцы, что ночью через перевал не ездит никто, а и днем машины идут в сопровождении тягачей. Я, к великому сожалению своему, весь спуск просто проспал, а Митя Ермолаев сидел на переднем сиденье, видел все и потом говорил, что было страшно нешуточно, когда тяжелая машина скользила над километровой пропастью, выделявая немыслимые кульбиты на краю жизни и смерти. Внизу (уже внизу!) от наших тормозных колодок шел дым и пахло гарью, а Володя отвечал на похвалы по-

русски - лишь легкою молчаливой улыбкой. Это частое у нас - спрашиваешь порой: «Как смогли? Как справились?» И ответят: «Молча!» И улыбнутся. Так же вот.

Вместе с Масловым ехал молчаливый пожилой моряк и поэт Синицын Вигдан Викторович. Впрочем, тоже наделенный юмором и не лишенный еще внутреннего, под пеплом лет не угасшего, огня. Надежда, ежели не обихаживала Володю, спала у него на плече, и они забавно пикировались. Самым старшим у нас был Семен Иванович Шуртаков, писатель, критик, преподаватель Литинститута, сохранивший, невзирая на годы, стройность и осанку, - зачастую пускавшийся в многословные рассказы, и тогда наша молодежь прикивала к нему, впитывая опыт прежнего полустолетия и обширных книжных знаний рассказчика. Шуртаков - профессор, кажется, даже академик, и слушать его очень интересно, а я как-то даже и плакался у него на плече, как у старшего товарища, все-таки десять лет разницы - немалый срок!

Женский состав наш (семеро из девятнадцати) был в основном представлен учителями, кто организовывал и возглавлял у себя славянские комитеты. Кроме Дины Николаевны, Татьяны Васильевны Рыжовой и Надежды Павловны Большаковой, уже упомянутых, была Наталья Павловна Журавкова, создатель первого славянского комитета, ныне пенсионерка, переехавшая под Питер, женщина кустодиевских форм, но с твердым лицом римского патриция. И тут - весь характер! И то, почему смогла создать первый славянский комитет в Мурманске, и то, почему, несмотря на опухающие ноги (она сидела впереди и кутала ноги в пуховый платок), поехала, бросив мужа и сына, и выдержала всю дорогу, и спала сидя, претерпевая тяготы пути с легкою мудрой улыбкой. Ну, и выступала, конечно, как все, и не жаловалась ни на что - опять же характер не позволял!

Была Надежда Георгиевна Благова, доктор наук, языковед, преподаватель мурманского пединститута, высокая женщина с таким типичным обликом учительницы, что я, когда наши дамы просили дать им

характеристики, тут стал в тупик. И именно она, когда мы добрались до самой болевой и самой опасной точки нашего путешествия, до Республики Сербской, с трудом отбитого куска сербской земли на территории Боснии и Герцеговины, до университета, разгромленного в Сараево и переведенного в невеликий городок Пале, в наспах построенное одноэтажное здание, сказала, что могла бы бесплатно (за постель и кормежку) остаться тут преподавать сербам русский язык (по-моему, руководители университета попросту растерялись, не в силах осознать всей серьезности этого предложения!). И ведь осталась бы, и курс провела, и подготовила бы - за год-то как не подготовить – выпуск сербов-русистов. А что осталась бы наверное, что это было не ради красного словца сказано, то знаю точно - говорили после с Надеждой Георгиевной о том. Ох, и я бы, старый дурень, остался бы на год тут преподавать, ежели бы понадобился им! Так хочется стать нужным этим людям, на которых свалились все эти ужасы с благословения западных «защитников демократии», всегда и во всем правых, даже и тогда, когда грудным детям выкалывают глаза и отрубают руки и ноги (живым!). Даже и тогда! И папа римский благословляет людоедов и извергов, вспарывающих животы беременным женщинам и специальной машинкой вырывающих глаза у стариков (глаза эти потом хорватские усташи носят с собой в целлофановых пакетиках - кто больше наберет, вместе с отрубленными ради колец женскими руками...). Не надо об этом?! Не буду больше. Но позабыть - не смогу.

Ехавшая с нами Саша, дочь Маслова, конечно, тоже, вослед отцу, деятельница славянского комитета. И как знать? Не окажутся ли для нее когда-нибудь на склоне лет эти недели нашего автобусного путешествия самыми незабываемыми в череде жизненных воспоминаний?

Ну и последняя - Светлана Сатдаровна. «Итак, она звалась... Светланой». Учительница истории, в которую я без памяти врезался, вторился, влюбился - в ее широкое лицо, пухлые губы, выпуклые глаза (когда я как-то сравнил ее с Царевной-лягушкой, она страшно обиделась), в

ее крутой изгиб спины, что меня в женщинах волнует больше всего, в ее походку, даже в ее «персидский» наряд (папаша-то был перс). Словом, вернулась молодость, позабыл про семьдесят лет, про лысину, про верную и любимую жену, парил в каком-то чувственном киселе, писал стихи... Ну и, Господи! А почему это плохо, когда возвращаются молодость и свойственные ей безумства, и та самая «женская лукавая любовь» вновь начинает царапать и волновать успокоившееся было сердце, «и на очи давно уж сухие...» et cetera. Она тоже организовала у себя в одном из городов Кольского полуострова славянский комитет, почему и поехала с Масловым, и даже свой день рождения встретила в пути, на дороге из Косова, пороховой бочке Сербии, где, стараниями Тито (Тито был хорват), сербов почти вытеснили мусульмане-албанцы...

Собственно, я, исторический писатель Балашов из Новгорода Великого, узнал про «славянский ход» случайно. Страна, кажется, начинает опоминаться от демократического паралича, и пробуждение, как и в Смутное время, начинается с окраин. Потом и Александр Иванович, потерянный было, поехал с нами. Но - Черногория! Балканы!.. Словом, оказался я на берегу Волхова, на пристани, где в каютах «Саши Ковалева» ночевала вся «славянская рать», поздоровался, расцеловался с Виталием Семенычем, занес свой сидор в автобус, дал какое-то придорожное интервью, расцеловался со своей Олей, которая уже прикинула, в кого я должен влюбиться дорогою, и не ошиблась! И мы тронулись.

За окнами - поля и леса, Русь, которую гораздо внимательнее озирал по возвращении, сравнивая тамошние, балканские, пейзажи с нашими.

Под ровный ход машины тянется причудливая вязь разговоров об истории, литературе, Балканах, церкви, вере, грядущих судьбах страны - типичных и привычных русских разговоров, возникающих при любой встрече интеллигентов российских друг с другом. И я еще не заметил черных очей за стеклами больших очков предмета моих дальнейших воздыханий и посему свободен в любознательности и восприимчив ко всякому слову

сказанному, будь то история Сербии или споры о русском литературном языке и диалектах, не утихающие у нас вот уже больше столетия.

Наш новгородский губернатор Пруссак принял нашу гуманитарную депутацию, произнес приличествующие слова, однако постарался не очень выказывать радушие, явно не ведая, как отнесутся ко всей этой мурманской затее «наверху». Теперь у нас впереди Минск и - возможно - встреча с Лукашенко (она, увы, не состоялась!), и я так и не ведаю, вручили ли ему мои книги с посвятительной надписью. Дело в том, что как раз перед нашим приездом был убит один из очень важных сподвижников президента. По телевизору показали похороны, выступления, еще что-то. Лукашенко разительно отличался от своего окружения - этих в общем-то спокойных службистских лиц. У президента было лицо предельно измученного человека, человека высокой духовной культуры, решившегося идти до конца. Он, казалось, уже переступил ту черту, за которой кончается все личное, включая и страх смерти, и остается одна идея, которую человек уже не может, не в силах отринуть от себя. Так раненый герой, вздымая меч, идет на врага, дабы и в краткие, оставленные ему мгновения умереть не даром, но с честью. Так восходили на костер христианские мученики. Дай, Господи, ему выдержать, не согнуться, не пропасть! И как красив народ, упорно, отринув всю пропагандистскую ложь, голосующий за своего президента!

Ежели народ жив, он не изменит лидеру и не согнется ни перед какою внешней силой. Живы ли мы? Или еще (или «уже») не проснулись? Те, кто едут в этом автобусе, - живы. Живы и те, кто помогал им снарядиться в путь!

В конце концов, сколько можно терпеть, когда тебя (и народ!) раз за разом «фейсом об тейбл» (мордой об стол), а мы, как тот мертвецки упившийся мужик, только бессмысленно таращим глаза! Правители наши словно бы проверяют, насколько удастся унижить Россию. Одна непопулярная акция следует за другой: «укрупнение», ликвидация «неперспективных» деревень, «моря», залившие плодороднейшие земли России, равные по площади территории Франции, поворот северных рек

(намечаемая катастрофа для всего Русского Севера и Дальнего Востока), безобразия с целиной, безобразия с БАМом, гибель почвы, радиоактивные отходы, зарываемые на нашей территории, Чернобыль, фактический отказ от охраны природы, дикое уничтожение лесов, «грязные» производства (обслуживающие все тот же Запад!), нелепая скоростная магистраль через Валдай, с гибелью водораздела всех русских рек, бессмысленная и технически, и экономически. С железными дорогами у нас и прежде творилось всякое. Прикажи Николай Первый в первую очередь строить ветку Москва - Крым, как ему советовали умные люди, а не Петербург - Москва, возможно, и Крымская война не была бы проиграна! А теперь вот последний подарок нашего правительства - готовящаяся распродажа земли. А намеренная порча школьных учебников, а голодные дети? А американская пошлятина и всяческие «поля чудес» по «телеку», культ секса и насилия, вбиваемый в головы нашей молодежи? А утверждения о рабской природе и кровожадности русского народа? А возня вокруг церкви: всяческие секты, растущие как грибы после дождя, пропаганда католичества, протестантизма, баптизма, адвентизма, черт-те знает чего? Раскол единой некогда православной церкви? Непротивление тем же униатам и иже с ними?

То же самое в дипломатии! Афганская авантюра, надобная Израилю и Штатам, но отнюдь не нам, Беловежские соглашения, безобразия на Дальнем Востоке, упорные попытки отказа от Курил, территориальные уступки Китаю. Блокада Приднестровья и Абхазии, война в Чечне - вообще, методическое отпихивание друзей и помощь врагам России. Измена союзникам: Ираку, Ливии, Кубе, Индии. Нож в спину Сербии и т. д. Картина все яснее и яснее. Налицо намеренное издевательство над мнением нации. Нас раз за разом суют головой в грязь, и пора уже что-то предпринимать. Дай Бог, чтобы наш «ход» оказался предвестием начинающегося сопротивления!

В Минске нас размещают в молодежном центре (там к нам и присоединился Дорошевич!). И - какое блаженство! - возможность раздеться, лечь в постель, вытянуть ноги, наконец! Нас, разумеется, кормят. Один из

местных писателей показывает нам город - безусловно и на диво чистый, ухоженный и почти красивый. Минску для действительной красоты не хватает лишь каких-нибудь дворцовых ансамблей да величественных соборов. Первого можно достигнуть, выстроив университетский городок в стиле высокого классицизма или барокко. Второе, с современным подъемом церкви, также становится возможным к исполнению. Разумеется, все это еще не сейчас, когда решается: «быть или не быть». А в общем, красивый город Минск, да еще если вспомнить, что тут оставила или, точнее, чего не оставила война...

Столичные города и во всех-то странах растут как снежный ком, всасывая иногда до трети населения страны. Хорошо это или плохо? Мне порою современная цивилизация кажется пиром во время чумы. Человечество не должно, не имеет права жить, столь безоглядно истребляя природные богатства. Вся эта вакханалия должна кончиться каким-то страшным катаклизмом, и - очень скоро. А там, ежели сохранится сама планета, снова в покинутых болотах в зарослях хвощей, затянувших бетонно-железную мешанину развалин, начнут ползать молчаливые пресмыкающиеся и пережившие атомную смерть крысы-мутанты, потихоньку создавать свою, крысиную, цивилизацию на развалинах нашей... Ненавижу крыс! Не верю в крысиного Гомера или Праксителя!

Зал истфака, где, нас предупредили, наибольшая оппозиция Лукашенко, набит битком. Шум, жужжание. Но слушают. После выступлений - записки. Мне - о событиях XVI столетия. Отвечаю, что начинать надо с начала, а не с конца. В XIV-м, еще до Кревской Унии, литовские великие князья могли, принявши православие, возглавить создание великого государства на Восточно-Европейской равнине. Принимать католичество, имея подданными - русских (даже деловая переписка в Великом княжестве Литовском шла на русском языке, с некоторыми включениями белорусского говора, кстати!), принимать католичество в этих условиях было верхом глупости. К XVI столетию Литва

проиграла решительно все, а созданное Гедиминовичами государство стало распадаться по религиозному принципу... Съели.

Еще одну записку я не прочел вслух, а жаль! Это было возражение тому тезису, что Россия не знала понятия национального геноцида. В частности, это выражалось в том, что существовала процентная норма: то есть за каждой нацией резервировалось определенное количество мест в высших учебных заведениях, согласно процентной численности данной нации в составе общего народонаселения страны (кстати, правило это не распространялось на частные гимназии!). «А как же, - писал неведомый мне вопрошатель, - евреи имели право на такое-то число мест, и не больше? Это прямой геноцид!» Вместо подписи: «С любовью к Израилю». Вот так! Неважна численность! Евреев надо было брать без ограничений, без всякой там процентной нормы! О других народах и речи нет. Нам бы хоть в десятой части так любить свой народ и свою страну! Надо было прочесть записку вслух и прокомментировать. Любопытно, чем занимались предки этого анонима в Белоруссии? Корчму содержали, адвокатскую контору или банк? И из кого состоит та самая интеллигенция, которая устраивает постоянные обструкции белорусскому президенту? Конфликт с журналистом, о чем не уставая кричало наше телевидение и подвывала пресса, был не так давно разрешен. Его попросту выслали из страны. Кстати, это был самый яростный русофоб в Белоруссии, неустанно обливавший грязью Россию, за что его, верно, и приняли с раскрытыми объятиями в наших СМИ. Теперь эта грязь станет литься на наши неумные головы уже из родного телека... Сколько можно? И здесь, в Минске, особенно внятно, что народ не хочет рвать с Россией, что воля нации - объединение.

Невесть в который раз по счету повторяю, что наше государство - это транзитный путь сквозь Евразию, что именно поэтому оно должно было быть единым. Что таковым оно стало еще во времена скифов, более трех тысячелетий тому назад, что все последующие, сменявшие друг друга сильные народы - гунны, монголы, русские, наконец - восстанавливали это

единство, заботились о торговых путях, идущих через весь континент, оберегали Великий шелковый путь из Китая в Европу. Что с наступлением нового времени, с XVII столетия, пути этому властно потребовались выходы к морям. И потому - упорная борьба с Крымской Ордою и Турцией за Новороссию, Крым и выходы к Черному и Средиземному морям. Потому - Прибалтика, отбитая у датчан, немцев и шведов. Потому и Курилы, потеря которых с неизбежностью запирает нас в Охотском море, и вся Сибирь (вся!) лишается выхода к океанам, и к свободной и равноправной торговле с половиною мира. Что вместе с тем на таких грандиозных пространствах невозможна бы была диктаторская власть какого-либо одного народа. И потому все, опять же со скифов начиная, устанавливали здесь своего рода союз наций, по существу равноправных и равно заинтересованных в защите этих безмерных пространств. И что царская Россия не составила тут исключения, и все сказки о «тюрьме народов» - наглая ложь, не подкрепляемая никакими аргументами, кроме дикой ненависти к России и русским. Что ни в равной оплате за равный труд, ни в религии, ни в правовом статусе ни один народ из многих, населяющих Россию, не был обделен, да, кстати, и не исчез с лица Земли, что неизбежно воследовало бы при любом другом инонациональном господстве. Наше дворянство по происхождению на треть - Гедиминовичи, на треть - татары и на треть - собственно русские - странновато для тюрьмы народов! А ежели и творились какие-то насилия над нациями, то только при советской власти и советской властью, достаточно далекой от национальных задач России, нерусской по своему составу, от которой тяжелее всего приходилось именно русским.

Все это, увы, приходится повторять и повторять!

Что, с другой стороны, от Запада нас отделяет невидимая, но резкая граница - отрицательная изотерма января, суровый континентальный климат, в отличие от мягкого климата Западной Европы, заставивший наших предков создать совершенно особую и хозяйственную, и социальную систему, отнюдь не похожую на западноевропейский феодализм. Что у нас были

много мягче и нравы, и законы, но зато более крепка, по необходимости, верховная власть. Что по этой незримой границе прошло и религиозное размежевание католицизма и православия, что мы, наконец, не Запад и не Восток, что мы - особая суперэтническая система и относимся к Западу как один к одному, и что, соответственно, нам нечего лезть в западноевропейские дела. Тем более что за каждое такое «влезание» нам отплачивали: за разгром Наполеона и установление Священного Союза - Крымской войной, за сталинский дележ Германии - разгромом в «холодной войне»... Не нужен нам Запад! Разведя туризм, дабы осматривать священные камни древности и Средних веков - все то, созданное когда-то, к чему современная Европа уже не способна. Нам надо вырваться из этого добровольно натянутого на наши шеи западного ярма, повернуть поток наших богатств, изливающийся на Запад, внутрь страны, вчетверо поднять благосостояние народа (сделать это можно, по подсчетам специалистов, очень быстро). И в дальнейшем не разыгрывать бедных родичей, порвать всякие связи с Международным валютным фондом, вновь укрепить наши границы, собрав воедино земли, населенные русскими, и приняв к себе те народы, которые хотят жить с Россией и которые наше проамериканское правительство всячески отпихивает от России.

Кстати, едва ли не каждое выступление во время «хода» приходилось начинать с определения, что собой представляет нынешняя российская власть. И уже в Приднестровье мне передали, что якобы Ельцин мной недоволен. Так что я даже погордился несколько, хотя полагаю, что о нашем «славянском ходе» Ельцин вряд ли что-либо и знал, по древней поговорке: «Старуха на Новгород три года сердце несла, а Великий того и не ведал».

Хотя, с другой-то стороны, и большие реки начинаются с мелких ручьев! Дай лишь, Господи, чтобы наш «ход» оказался первой ласточкой в ряду таких же деяний, из коих, по миновании времени, выросла бы большая река национального возрождения России!

Так или иначе, в Минске нас встречали, и встретили хорошо, и мы, уже

ободренные, двинулись дальше.

«Белорусскую землю о-полночь прошли, на белой заре пришли в стольный Киев-град».

Стольного Киева-града мы достигли, впрочем, с опозданием, глубокой ночью. (Тут замечу, что опаздывали мы всю дорогу - что-то задерживало, и потому зачастую расстраивались встречи, расходились собравшиеся нас встречать и слушать люди, и так далее. Маслов рвал и метал, назначал подъемы в пять утра, но все было напрасно. Нет у нас, славян, немецкой четкости в делах! Впрочем, зато есть другое - душевность, а по времени - азарт, искупающий административную неуклюжесть.) Конечно, в Киев было сообщено о нашем приезде, предупрежден сам Олейник, и все такое прочее. Но вот мы останавливаемся у здания Союза украинских писателей в тихой пустынной улице, осененной деревьями, еще не потерявшими листья, и освещаемой рыжими фонарями. Сторож, подумав, пускает нас в туалет - но не далее! Мы мнемся, ждем, ходим, текут часы. Медленно наступает утро.

По извечной русской стыдливости (ведь все – недавние друзья, да и учились в том же Литинституте!) пытаемся как-то оправдать, объяснить, кто-то-де болен, кому-то-де не сообщили...

Увы, всем сообщили и никто не болен! А попросту: «Отрок молчит, на братний зов одной усмешкой отвечает, и пир идет, и хор рабов его, что солнце, величает». Тут вместо «хора рабов» уместнее поставить: «И Пентагон его, что солнце, величает». Пир во время чумы! К сожалению, никакой емшан тут, видимо, не вразумит украинских националистов (читай - предателей своей родины!), и сами они не поймут, что они втянуты в колесо не только пентагоновских, натовских и сионистских планов по расчленению и уничтожению России, но и более чем тысячелетних планов католического Рима, стремящегося уничтожить православие (как-никак единственно сохранившее истинные заповеди Христа!), то есть объективно работающего на тот же Сион. Большой вопрос - понимают ли это сами римские первосвященники? Кажется, что и они, в ослеплении идей мирового

господства, не ведают о пропасти, в которую ведут послушные им народы, готовые, подобно Брейгелевским слепцам, обрушиться в пропасть вслед своему поводырю...

А в Сербии прокручивается то, что потом будет разыгрываться в России. И натовские генералы, чуть ли не ежемесячно инспектирующие украинскую армию, и униаты, стремящиеся созданием независимой патриархии оторвать Украину от России, переподчинив ее папскому престолу, - все хором готовят для нас сербохорватский вариант, ибо своих сил ни у Западной Европы, ни даже у Америки для борьбы с Россией нет, и надо, чтобы русичи сами себя уничтожили в братоубийственной резне. Недаром Кравчук - секретарь ЦК Компартии Украины по идеологии, а затем - первый украинский националист и, наконец, почетный гражданин Израиля. Так вот, недаром же он, принимая офицеров в украинскую армию, задавал им стандартный вопрос: «Будете ли, готовы ли вы воевать с Россией?» И вся эта националистическая возня не для того ли нужна, чтобы уничтожить нас - и великороссов, и малороссов - нашими же руками?

Кстати, о названиях. Украина, или украйна - это «окраина», и не более того. До XIII века Украиной звалась Владимирская Русь, а Киевщина - Русью. Русью, Малороссией называлась она и позднее. Слова «Малая» и «Великая» тут также нуждаются в объяснении. По-видимому, далеко не все знают, что наши предки очень многое заимствовали у греков.

В частности, слово «полис» (город), сохранившееся в таких названиях, как Каргополь, Лодейное Поле и т. д. А у греков как раз города-колонии, удаленные от центра (в Италии, Сицилии, Малой Азии), звались Великой Грецией. Причем «великая» тут понималась как далекая, удаленная, а отнюдь не как главная и основная. Точно так же и Великороссия получила свое название в силу того, что была удалена от киевского центра страны. Все это нужно помнить хотя бы для того, чтобы не поддаваться современным безграмотным спекуляциям вокруг нашего общего имени - Русь.

Понимают ли украинские лидеры, что они творят и, главное, для кого?

Что захваченные ими (кстати, без всякого права на то!) никогда не бывшие украинскими Новороссия и Крым (отбитые нами у турок), по сути, не нужны им, ибо портовые черноморские города рассчитаны на грузооборот всей огромной страны, а не Украины только? Что весь смысл подобного отторжения - лишить Великую Россию черноморских морских выходов, а затем... Затем земли эти отойдут Турции, и весьма скоро!

Понимают ли они, что отказ от общерусского языка, за триста лет вобравшего в себя всю необходимую терминологию современной промышленности, науки и культуры, - что отказ этот отбрасывает их к XVII столетию, то есть делает безоружными в современном мире?

Что, наконец, власть - бремя, что страна наша неделима и надо брать ее всю или не брать вовсе, ибо в любом ином варианте нам всем придется пропасть?

Понимают ли они вообще хоть что-нибудь?!

Понимают ли, наконец, что в художествах советской власти, в деяниях Троцких, Тухачевских, Свердловых и Кагановичей русские, как и малороссы, не виноваты (вернее, виноваты в том, что дали в 1917-м свергнуть династию и завоевать страну!)?

Рассвело. По улице начинают ходить люди. Сторож, то ли получив инструкции, то ли устыдясь, открывает и показывает нам второй этаж здания, где в каждой комнате узорная майоликовая печь - подлинный шедевр ценного искусства, причем все печи разные, двух одинаковых нет. Особняк был выстроен до революции евреем-сахарозаводчиком, которому принадлежали, кажется, все сахарные заводы Украины (так-то страдал, бедный, от русского народа!). Подошла какая-то женщина и, глядя на меня злыми глазами, будто продолжая прерванный спор, выговорила: «Каждая нация имеет право испытать свою державность!» Высказала и ушла, оставив меня размышлять над тем, что есть державность по-украински и чем она отличается от обыкновенного трусливого хамства. Подошел представитель местной русской оппозиции - поахал, что ему заранее не было сообщено, он

бы и т. д. Подошел деятель местного литфонда, учившийся у Шуртакова и посему только почуявший все неприличие ситуации, отвел нас куда-то на зады, где нас накормили хоть и жидким, но все-таки обедом.

Ни встреч, ни дискуссий, соответственно, не было. И мы вскоре, оставив местных деятелей упиваться добытою «державностью», трогаемся дальше. И всюду потом, от стыда за братию свою, повторяем в перечне народов, делегировавших нас на дело общеславянского единства, Украину тоже... И даже уже где-то в монастырской трапезной в Болгарии Тимофеев накинется на меня с тем, что Украина нас бы приняла, что они попросту не знали... Что, наконец, все равны, и так далее. Я тоже взрываюсь: «Все разные и потому-то и важны друг другу, в силу неповторимости своей!» Спор кое-как утихает, но грусть и тревога остаются. Неужели все-таки западные товарищи добьются своего и сербохорватский вариант, с неизбежными ужасами и озверением, состоится? Неужели такое возможно? Но в Сербии-то оказалось возможно! И язык один! Однако хорваты - католики, и этого одного достаточно, чтобы выкалывать глаза сербским детям, вспаривать животы беременным бабам и убивать стариков и старух. «Где за веру спор, там, как ветром сор, и любовь, и дружба сметены»...

А простой народ? Ему и дондесь толковали, что-де «сало москали збылы» и что ежели Украина после отделения стала жить втрое хуже, то и тут опять виноваты москали. И в католических хорватских войсках украинские добровольцы уже служили, и в Чечне дрались-таки против нас (против православных за мусульман!). Не дай, Господи, нам новой братоубийственной резни! Не дай, Господи!

Вадим спрашивает меня: «Ну а что делать? Воевать с Украиной?» Нет, с Украиной я воевать не хочу. Но и что-то делать надобно, хотя бы потому, что и католики, и Сион, и секретные службы Штатов работают, обостряя ситуацию, изо всех сил. Нас планомерно уничтожают, и в одиночку мы не выживем. Никто из нас. И слава Лукашенко, который это понял, и слава белорусскому народу, который это понял тоже. Но не слава нам! Ибо терпеть

шайку американских резидентов и агентов МВФ, разворовывающих страну... Дотерпимся, что и головы потеряем!

Едем дальше, тихо переговариваясь об украинских делах. Я подсаживаюсь к Свете, она мне рассказывает о своих преподавательских заботах, о планах переезда на юг, о семье, о том, что с рождением сына начала было «погружаться в быт», уже и не одевалась, ходила в халате. (А одеваться, кстати, она любит и, главное, умеет! Не от того ли испуга утонуть в кухонных заботах у нее и славянский комитет, и съемки всю дорогу, и выставки, и нынешняя поездка в Сербию?) Рассказывает о том, что училась в Петрозаводске и чуть не попала однажды на мое выступление... Как давно это было! И почему мы не встретились тогда? А и встретились, что бы произошло? Меня эти «что было бы?» и «что будет?» преследуют всю жизнь! Сколько романов - и каких! - обрушилось из-за моей постоянной рефлексии... Но я гляжу в ее широкое лицо с выпуклыми глазами (и правда похожа на лягушку!) и чувствую только одно желание - целовать ее бесчисленное число раз. Слушаю ее замедленную речь словно бы большой девочки - и мне это тоже ужасно нравится, и даже ее дразнящий, дробный, «вызывающий» смех нравится тоже. Я все понимаю, все вижу, и даже то, что она «верная супруга и добродетельная мать» (т. е. я ей как мужчина неинтересен), не останавливает моих чувств. Господи! Сколько мне лет! Уймись! «И страсть Морозова схватила своей мозолистой рукой!» Увы! Даже самоирония не помогает!

А автобус идет и идет, и вот мы вырываемся из Украины в Приднестровье, по обыкновению отчаянно опоздав. А нас тут ждали, ждали, ждали! И громогласный Васильев, как ангел-хранитель, влезает в машину, объявляя, что «мафия бессмертна, что тут надо слушать только его, что все дорожные формальности отменяются, что нас ждут четыре посла и два митрополита!» и так далее. Все ободряются. Вадим, уже по дороге в Румынию, будет передразнивать Васильева: мол, ничего не бойтесь, езжайте на красный свет, и т. д. Но суть не в этом. Васильев, кстати, деятель из

серьезных. Он - русский патриот, председатель Фонда славянской письменности и культуры в Молдавии, возглавлял в свое время винодельческую фирму (ту самую - летящий аист с виноградной гроздью на шее). Ныне он устраивает празднества, ставит памятники, что-то организует, связывает, объединяет, создает, ухитряясь добывать средства на все это (нам бы поболее таких деятелей!), и при этом весел, прост, не заносчив. Словом, дай Бог, чтобы бессмертна была именно такая мафия!

Нас ждут номера в гостинице, ждет добрый стол с неизменным красным вином (и вполне неясно, не сам ли Васильев тут заплатил за многое, ежели не за все!). Нас ждут для выступлений в университете, нас встречает президент Смирнов, мы присутствуем на открытии памятника Кутузову. И как радостно было узреть праздничную демонстрацию - да, да, демонстрацию! Детей с воздушными шарами, спортсменов, ветеранов в орденах и медалях. Услышать хоровое пение, клики. Все то, что мы так быстро и глупо выбросили в архив вместе с советской властью, которая во многом была и плоха, и не права, и, конечно, была не права в самом главном - в попытке создать обезличенное зарегулированное общество, общество двуногих муравьев. Но и все-таки! То толковое, что было сделано, не требовало слома государственной системы, а тем более раздела страны, разрушения хозяйства! Который раз нас под видом реформ, обещая молочные реки в кисельных берегах, нагло и бессовестно грабят.

Встречаемся с местными деятелями. Республика до сих пор (!) в блокаде, наше, в особенности дорогое, правительство, выполняя веления Пентагона, стремится не мытьем, так катаньем сломить непокорный народ и подарить его Румынии. Заводы - краса и гордость отечественной промышленности - стоят, республика - «едва держится», как сообщают давешние знакомые. (Писал очерк о Приднестровье, был тут дважды. Но очерк все еще не нашел издателя, и не ведаю - найдет ли. Да и очерк не роман, публицистика стареет очень быстро, не в пример прозе! А жизнь идет, и все, кого знал в 1991-м, уже приметно постарели.) Выдержит ли эта

удивительная земля, выдержит ли этот народ, давший урок всему огромному Союзу, ибо свое «не хотим!» подкрепил делом и оружием, отбившись от куда лучше вооруженного и в двадцать раз более многочисленного противника!

Тут саги слагать впору, эпические поэмы! Так-то помыслить ежели! И почему это стало возможным здесь и не получилось в том же Крыму? Быть может, делу помогли именно советы трудовых коллективов, вовремя созданные Республикой?

Люди в устоявшемся и отстоявшемся обществе встречаются и объединяются по социально близким группам. Учитель скорее познакомится с инженером, гарнизонным офицером, священником, но не с академиком, директором завода, генералом, епископом. Общество рассечено как бы по горизонтали, а для всякого результативного действия нужна вертикаль. Мне, скажем, чтобы напечатать боевую публицистическую статью, нужна помощь не только редактора отдела, но и главного, кто мог бы рискнуть (и имеет власть рискнуть!). В Приднестровье общая беда сплотила всех: директорат объединился с рабочими, женщины бесплатно кормили своих защитников домашней добротной едой, в советах трудовых коллективов инженер сидел рядом с рабочим, с мастером, с казаком. Народ почувал свое единство и встал воедино на защиту Республики. И победил... справляясь вот так именно: «един с тысячью и два с тьмою».

Приднестровье - пример для всех нас, и ежели мы встанем, ежели спасем страну, то только так - все сообща, соборно. Как это произошло на крохотной полоске земли вдоль Днестра, слегка всхолмленной и лишенной каких-либо естественных укреплений.

Когда-то, ежели мы все сохранимся и победим, о них, этих людях, будут слагать легенды. Увы, только тогда! Перед этой землею, перед этим народом мы все в неоплатном долгу...

Снова выступления. Принимают, слушают! И уже наступает такое, что и море по колено - когда ты не один, а, как говорил Маяковский, «каплей льешься с массами». Весело говорить, и жить радостно, и твое прошлое,

труды, усилия, книги уже не кажутся, как порою, Сизифовым, бесполезным трудом!

А бюст Кутузова хорош! Угадан размер - больше натурального, но с соблюдением меры, угадан характер. Великий полководец тут еще сравнительно молод, каким он и был в нашей южной армии еще до Бородина. Бюст и поставлен хорошо, и толково как бы сдвинут вбок, что придает ему выразительности и жизни - той вечной жизни, которая есть в удачных памятниках. А делал кишиневский скульптор, Валентин Кузнецов, вряд ли кому известный за пределами своей республики. Васильев и разыскал мастера, и привез памятник в Тирасполь, и это праздничное открытие бюста организовал.

Мы тоже стали со своим Самарским знаменем, повторением того Самарского знамени, под которым наши в 1878 году освобождали Болгарию от турок. Знамя вышивали школьницы Дины Николаевны. Моряки Северного флота доставали золотой позумент. И когда наши «мальчишки», два Дмитрия, выносят и разворачивают знамя, получается очень торжественно, и мы уже, под знаменем-то, не какая-то кучка интеллигентов, вполне необязательная в большой толпе, а организованная сила, со своим лицом. Как по-новому зазвучали все старые и, казалось, позабытые истины в этом нашем походе! Вот хотя бы эта - значение знамени! Со знаменем мы уже не просто так, а вот именно «славянский ход».

Праздник продолжился еще и в Кишиневе, где нас принимало прозревшее русское землячество и болгарское посольство, где нам был устроен прекрасный банкет, на коем не то чтобы вина лились рекою, но... лились. И, конечно, обнимались, клялись в дружбе, без конца фотографировались друг с другом. Соседка набила мне пластиковый пакет застольными дарами: «Не оголодайте там дорогою!» Да, кстати, и фотографии нам поднесли на пути домой, не позабыли! Так вот было. Было хорошо.

Ну, и мы поехали дальше, на выезде из Кишинева обозрев, к счастью,

неуничтоженный памятник Суворову. Создание девятнадцатого столетия, памятник замечательно поставлен и изваян - со всех сторон, в любом ракурсе, величествен и красив! И Суворов тут не тот тщедушный задохлик, коего почему-то принято изображать в нашей иконографии, а породистый вельможа, полководец и аристократ, коим и был, «сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов!»

Наша это земля! Славой наших побед овеянная, русскою кровью политая, отбитая у турок в целом ряде тяжелейших войн, и негоже ее так вот бросать в подарок невесть кому, той же, по-видимому, Румынии.

Вскоре, впрочем, мы уже и ехали через Румынию, о которой мало что можно сказать. Ну да, грязно, но ведь осень! Ну да, какие-то ободранные безлесные холмы. Ну да, закопченные дома в Бухаресте, но ведь не все же! Ну да, полиция... Но тоже не вся. Единожды видели и веселого умного таможенника, кстати, хорошо говорившего по-русски, встретился и такой! И ежели бы не брошюрки румынские о том, что румыны некогда населяли берега Черного моря, создали Римскую империю, пересекли Европу и дали начало Дании, а переплыв через океан, создали в Америке государство инков, то можно бы и не вспоминать короля Пикрохола из бессмертного романа Рабле, да и о том, откуда произошли румыны, не вспоминать тоже. Когда-то солдатские гарнизоны Рима расположились в завоеванной и обезлюдившей Дакии, ну, а где солдаты, там и женщины, там и дети, болтавшие с сожителями их матерей на испорченной латыни, они-то и стали прародителями нынешних румын. За две тысячи лет, конечно, можно и забыть о том, ежели не создавать Римской империи и особенно государства инков!

Обидно то, что подобные кунштюки интеллигенции бросают тень на весь народ. Так же, как полицейское «Дай! Дай! Дай!» ассоциируется со всей нацией в целом - да уж не из попрошайек ли она состоит?! Правителям (любым и в любой стране) с их обслугою надлежит все-таки задумываться о том, что их действия со стороны воспринимаются как действия всего народа,

о чем и нашим горе-правителям ведать надлежит!

Зато Болгария, когда мы переправились через Дунай, показалась нам раем небесным, чем-то вроде оазиса для путников, пересекших пустыню. Холмы, лес, свежий аромат осенней хвои и какие-то гораздо более веселые деревни по дороге. И уже русские кладбища, и уже - мемориал нашим воинам, форсировавшим Дунай, памятные могилы героев, имена и даже портреты полководцев. Хорошая русская слава, спасающая от полного уничтожения родственник нам православный народ. Много ли найдется в истории войн (да и найдутся ли?), когда целью являлось единственно освобождение «ближнего своего во Христе» без всяких там своекорыстных расчетов или захватов территории? И пусть не все проходило так гладко в этой войне - турки были вооружены едва ли не лучше, чем наши солдаты, не все благополучно было и с офицерским корпусом, но нашелся-таки Драгомиров, Скобелев нашелся, да и не он один! Тысячи перемерзли на Шипке, вот именно перемерзли, даже не погибли в боях! И кампания завершилась как-то куце под натиском разом ошестившихся европейских государств. Не был взят и Царьград, к которому подошли вплотную. Не была освобождена вся Болгария (территориальные претензии тут и о сию пору не разрешены до конца), и мир был заключен достаточно бестолково, и не стоило на болгарский престол сажать немецкого принца... Все так! И все-таки найдите в мировой истории подобные примеры бескорыстной военной помощи, крови, пролитой исключительно за други своя! Даже современные разрушители могил (а они, увы, есть и в Болгарии) не дерзают поднять руку на памятники той героической поры, и они стоят нерушимо по всей Болгарии.

Замахнулись было на памятник «Алеше», русскому солдату минувшей войны, на горе под Плевеном. Но жители отстояли памятник. И теперь у обесчещенного надписями и знаками свастики монумента сидят старушки, вяжут с утра до позднего вечера, надзирают, дабы отгонять от «Алеши» хулиганов. Ну, а мы - мы спели ту незабвенную песню, которую пели и у нас,

и в Болгарии, подчас не сдерживая слез, где есть вот эти слова:

А сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Горы, покрытые хвойным и смешанным лесом, долины. Осыпи скал. И уже вечером первого болгарского дня (увы, не вечером, а глубокою ночью, мы опять сумели опоздать!) нас встречает митрополит Велико-Тырновский Григорий, нас кормят ужином. И наутро везут в Плевен, и там служба. И уже начинается тихая война. Здесь, в Болгарии, враги православия тоже тщатся устроить раскол церквей. Самопровозгласивший себя экуменистом Калининник хочет встретить наш поезд (это повысит его авторитет!), но мы благоразумно и дружно отказываемся от подобного знакомства - этого еще не хватало! И нас опять принимает владыка Григорий и устраивает на ночлег в Дряновском монастыре, знаменитом событиями того, прошлого столетия.

Уже в сумерках мы подъезжаем к монастырю, что стоит, каменный и невеликий, в горном распадке, меж скал, омываемый порожистою пенною речкой. Вот здесь начиналось восстание против турок, тут отбивались и гибли повстанцы-защитники. Тут турки жгли и убивали, творили зверства, после которых Александр Второй и почел надобным вступить за изничтожаемый народ, и когда турки не вняли дипломатическому предупреждению, русские рати перешли Дунай. Румыния тогда еще помнила о своем православном единстве с нами и болгарам, пропустила русские войска через свою территорию и даже частично участвовала в сражениях за освобождение болгар. Было, было!

Монастырь почти безлюден, в нем пустынно и холодно, но вместе с тем и удивительно уютно. В коридорах, украшенных незамысловатыми и потому очень милыми картинками, на переходах располагались кое-где

возвышенные на пару ступеней ниши, отделенные невысокими, в аршин, деревянными оградками. В них столики и низкие сиденья, все словно игрушечное. Но тут, верно, можно было посидеть, почитать, написать письмо (в кельях, зачастую рассчитанных на несколько душ, только кровати). И так и видишь тут мысленными очами послушника или монаха, склонившегося над книгою, мимо коего редко кто пройдет - жизнь в монастыре расписана по часам, и все знают, когда молитва, когда труд, когда трапеза, и все хором участвуют и в том, и другом, и в третьем. В этих невидных внешне, малозаметных, запрятанных в горах духовных центрах ютилась, пряталась, тайно горела - как свеча церковная - культура, память, духовная жизнь нации, угнетенной, но не уничтоженной иноверцами. Без них Болгария вряд ли сумела бы выдержать пятивековой турецкий плен! Хотя монастырь и безлюден, точнее, малолюднен, но нас встречают, помещают в кельях, отопления тут вроде и вовсе нет, но много одеял, а разбитое окно затыкаем подушкой. Все равно не сравнить с автобусными ночлегами! И ведут в трапезную. По бревенчатому мостику над шумящей водой. Там, в трапезной, играет музыка, жарко топится камин. Нас кормят вкусно и сытно, и мы отмякаем душою - дома! У своих! Отсюда наш поезд будут встречать, а где и сопровождать, духовные власти Болгарии. В Казанлыке - владыка Панкратий, митрополит Старо-Загорский, в самой Софии нас примет патриарх Болгарии Максим. Нас тоже будет опекать случившийся в Болгарии наш митрополит Питирим, будут встречать мэры городов и даже вице-премьер Болгарии. Будут приемы в Доме дружбы и в Думе, будут торжественные богослужения, а пока нас в Казанлыке кормят обедом в старой розоварне, где сохранилось оборудование еще с древних, точнее, довоенных времен, и берет под свое крыло владыка Панкратий.

Начинаются памятные места сражений той войны, столетилетний юбилей которой мы и отмечаем сейчас. Мы поднимаемся на Шипку, где насмерть стоял генерал Столетов, и вершина после того получила его имя. С обрывов гор открываются долины в безмерной глубине, седые ключья

облаков ползут по склонам. Когда, отслужив на кладбище и возложив цветы на могилы, мы подходим к самой макушке горы, идет мелкий дождь, дали заволокло, все в сплошном серо-белом молоке, и башня, водруженная тут, уходя ввысь, теряется в сыром тумане.

Знамена. Торжественная служба внизу, где на четырех мраморных львах возложен мраморный же саркофаг, а за ним, в углублении стены, стоят, навечно застывшие в мраморе, русский и болгарский солдаты в полтора человеческих роста, словно бы сжавшиеся в лютном холоде шипкинских высот, но твердо сжимающие оружие в руках. Насупленные вечные стражи места сего! Служат разом три митрополита, два болгарских - Григорий и Панкратий - и наш Питирим. Мы стоим со знаменами, вслушиваясь в проникновенные священные слова. Это место, эта служба - первая наша цель в этой поездке. Восславить предков за подвиг, ими совершенный, напомнить о том, о чем позабыли суетные и нечистоплотные временщики нынешней России, и потому так торжественна служба, так трепетно внимаем мы, добравшиеся наконец сюда с северного края материка (когда отъезжали из Мурманска, Маслов нарочно распорядился проехать по дороге назад, к Баренцеву морю, и уже оттуда, от океана, от самого края русской земли, начали «ход», который мыслим заключить на Адриатике). И вот Шипка. Остановись, мгновение! Сейчас даже и все личное - посторонь. Отошло, отпустило на время. Величие коснулось нас своими незримыми крылами, отяжелив полотнища наших склоненных знамен.

В Болгарии устроена такая же панорама, посвященная сражению с турками, как и панорама защиты Севастополя, как и Бородинская, в свое время сожженная неизвестными злоумышленниками.

Болгарская панорама, быть может, даже и лучше. Лучше передан простор, и кажется, что и взаправду голубое небо, запачканное пороховым дымом, облегло смотровую площадку.

И еще один памятник запал в душу - памятник Самарскому знамени в Стара-Загоре. Над грандиозными параллелепипедами каменных блоков

выглядывают головные уборы и штыки (тоже огромные!) русских и болгарских солдат. Эти фигуры из темной бронзы, кажется, застыли там, над камнем знамен, на вечном посту, на рубеже, и стерегут, безмолвные, покой долин и мирную суету городов у своего подножия.

А вообще памятников, посвященных русским освободителям, множество. Прекрасен храм, выстроенный вдовою Скобелева, весь узорный, легкий и какой-то до того русский и до того красивый! Хоть и считается конец прошлого века временем архитектурного упадка (падение стиля, перегруженность деталями, русский модерн, далеко не всегда дававший подлинные шедевры, но дававший-таки!), этот храм, однако, из лучших, и даже в сравнении со всем многоликим совершенством нашего допетровского зодчества он, что называется, смотрится! И служат в нем! Хорошую память оставила по себе вдова нашего героя, едва ли не последнего из великих полководцев царской России...

Да, впрочем, и не последнего, отнюдь! Кроме уже названного Столетова был неустрашимый Гурко, был герой переправы через Дунай Драгомиров, не говоря уже о десятках офицеров и рядовых, явивших чудеса храбрости и самоотвержения в этой войне. Наша болгарская попутчица Калина заклинала нас посетить могилу русского дипломата графа Игнатьева... Не сумели! Не смогли найти дорогу на пути туда, и на пути домой не сумели захватить тоже... А надо было суметь!

Были те, чьи жизни остались здесь, были и те, кто оставил здесь свое сердце, как генерал Драгомиров. Драгомиров прожил невеселую жизнь. Смерть близких оставила его в одиночестве. Журнальное воронье почти похоронило память недавних побед. Старый, не нужный никому генерал как-то, едуци в поезде, встретил группу болгарской молодежи. Его узнали, или он назвался сам, но когда юные болгары кинулись его поздравлять (оказывается, помнили!), старик расплакался. Сердце свое он оставил там, на отвоеванной им, спасенной и потому святой для него земле Болгарии.

И я вспоминаю, как угасал покинутый и отстраненный от всех дел

Жуков, как Главное политуправление флота упорно травил Маринеску, человека, который на своей подлодке потопил треть всего утопленного нами тоннажа немецких судов, а после того, как пустил ко дну пароход «Вильгельм Густав», везший немецких подводников, был объявлен самим Гитлером «врагом номер один». На «Вильгельме Густаве» плыло восемьдесят экипажей для сорока новейших немецких подлодок, оснащенных сверхсовременным оружием, которые так и не были пущены в дело, ибо экипажи погибли, спаслось едва тринадцать человек. Подлодки простояли до конца войны затопленными у острова Рюген, в результате чего, считают современные историки, не началась - а могла начаться! - третья мировая война. И этого человека продолжали втаптывать в грязь еще долго после его смерти!

Не стоит множить примеров, но ох как не бережем мы, русские, славу героев своих! Как не умеем ценить ни седины, ни самую память о тех, кто спасал и хранил наше Отечество! Сколькие и в прошлом-то, сравнительно благополучном столетии уходили в отставку «с мундиром без штанов»! Сколько было у нас капитанов Тушиных, было и ушло, вовсе не замеченных и никак не награжденных! Прими, Господи, в лоне своем души их, не посрамивших земли своей!

Опять вечер и ночь, падающая тут стремительно, без наших северных разливов вечерней зари, в самом деле черная.

И в этой сгустившейся черноте мы серпантинами поднимаемся на Витошу, на гору, господствующую над Софией, а внизу в прорывах леса вдруг является, глубоко-глубоко, словно на дне морском, россыпь городских огней. Едем в Драгалевский монастырь (кажется, патриарший), где будем ночевать и сегодня, и завтра. Автобус пыхтит, фырчит, одолевая высоту, наконец упирается в железную решетку ворот, и мы вылезаем, как сонные куры, и тут же, продрогши, торопимся ко входу высокого здания, приткнутого к скале справа от нас, а слева, ниже дороги, церковь, по-болгарски невеликая, еще какие-то постройки, своеобразное орлиное гнездо

близ самой вершины Витоши. Вот тут-то, в трапезной, мы и поругались с Тимофеевым. Как-то почувствовалось за столом, что мы дома, у себя, и потому...

Монашки, что подавали на стол, испуганно ретировались, пока русские, споткнувшись на «украинском вопросе», кричали друг на друга. Ну да, милые бранятся - только тешатся! (Вариант: милые бранятся - только ключья летят.) Когда у людей есть объединяющее их дело, и споры не страшны. А нас завтра будет встречать на площади перед собором болгарский музыкальный ансамбль. Парни и девушки в национальных нарядах будут подносить хлеб-соль. Нас встретит мэр города, и мы будем снова стоять под нашим Самарским знаменем и будем снова единым «славянским ходом» здесь, на болгарской земле, как-то незримо, но внятно родной для нас.

Мы еще будем выступать, встречаться, ездить, даже жертвовать на строящийся храм, мы еще будем прощаться с Питиримом, но нас уже ожидает Сербия и тот, конечный пункт нашего маршрута - Черногория и Республика Сербска («Србска»), куда нам наше посольство мягко, но настойчиво «не советует» ехать. Там-де могут быть конфликты, эксцессы и так далее... Обычная, обычная... как бы это пристойнее назвать? Скажем - возня наших завравшихся и давно утонувших в дерьме международных деятелей, снискавших, по-видимому, дружное презрение даже у тех, кому они столь преданно служат.

(Бывшая Югославия развалилась на семь частей. Отделились Словения и Хорватия, отделилась Македония. Отделилась и мусульманская Босния. В составе Югославии остались лишь Сербия с Черногорией. А на территории Боснии с Герцеговиной, в «краине», где более половины населения составляли православные сербы, как раз и началась война. Босняки (мусульмане) и хорваты (католики) решили уничтожить боснийских сербов. Те отбились, создав в свою очередь Республику Сербску в южной части Боснии, примыкающей к Черногории. Туда-то нас и не хотели пускать, пугая

«эксцессами».)

И вот мы едем в Сербию, в Белград. Кажется, именно здесь (а быть может, далее, на границе Республики Сербской) офицер-таможенник, узнав, кто мы, откуда и зачем, решительно возвращает нам все обязательные пограничные поборы за въезд, за экологию, еще за что-то, и пропускает автобус бесплатно. Мы дарим ему нашу мурманскую газету, посвященную «славянскому ходу», и сердечно благодарим... Вот из таких внешне не звонких «мелочей» и складывается то, что называют потом дружбой народов. Ведь не в этих же жалких долларах дело, в конце концов!

Белград по первому впечатлению не понравился. Высокие дома, узкие улицы. Дома современные, «среднеевропейские». Это уж потом нам указали и здания бывших дворцов, и парк над Дунаем, и громаду не достроенного до сих пор собора Святого Саввы (почитаемого в Сербии приблизительно так же, как у нас Сергей Радонежский - они и жили в одну эпоху). Сохранились прижизненные иконы Св. Саввы, по всей вероятности - почти портретные изображения. Собор Св. Саввы выстроен в византийских традициях, сохраненных Сербией в наибольшей чистоте, даже этот, поздний, почитай - нашего времени, храм чем-то очень схож со Святою Софией.

Где-то в этом трехмиллионном городе шумят митинги, сталкиваются страсти (ситуация, зеркально схожая с российской!). Но по улицам ходят в общем хорошо одетые люди, видимых следов нищеты - как в Москве или Петербурге - тут нет. Да и дорогою - часты строящиеся дома, дважды мы встречали свадебные шествия: жизнь упрямо идет и тут, собственно, в Сербии, в столичном городе, куда сбежались сотни тысяч беженцев, - жизнь эта со стороны не выглядит ни отчаянной, ни отчаянно бедной. Характерно, что когда в Боснии начались бои, мусульмане свои семьи отсылали прямиком в Белград, в полной уверенности, что их тут никто не тронет и даже не зазрит того, что отцы и братья этих семейств сейчас убивают сербских детей, насилюют девочек и вырывают глаза старикам. И ведь народ-то один! Один, так называемый сербохорватский язык, боснийского вроде и вовсе нет, вся

рознь - на религиозной почве и подогревается в Хорватии католическим Западом, а в Боснии - и Западом, и Турцией, в планах которой (в планах мусульманских фундаменталистов) - великая Турция от Адриатики «до стен недвижимого Китая», невиданная доднесь мусульманская империя. Боюсь только, что даже ежели мы погибнем, все эти претенденты на славянское наследство тотчас и насмерть передерутся друг с другом. Сцепятся сперва между собой, а в довершение бед - с Китаем.

«Русский дом», куда мы прибываем, ампириное здание с колоннадой, был выстроен сразу после революции русскими эмигрантами и только позднее поступил в собственность советского государства. На этаже, где нас помещают, оказались всего три одноместные клетушки (две из которых, из уважения к возрасту, вручили Шуртакову и мне) и примыкающая к ним зала с ковром, столами и стульями, куда притащили несколько раскладушек и куда мы занесли наше имущество. Составили столы, уселись. Нарезали местный, отчаянно крошившийся белый хлеб, достали масло, вареные яйца, открыли шпротные консервы (от коих у иных расстроились животы), то и другое, как и сосиски, к счастью, уже съеденные, везли аж из Мурманска. Я взялся чистить селедку (ужасно не люблю, когда селедку режут на куски с костями!), и хотя от селедки уже прилично попахивало, как от северной, так называемой «кислой» рыбки, ели ее с удовольствием и съели всю. Вскипятили воду, заварили кто кофе, кто чай. В общем, трапеза получилась. Даже две бутылки сухого вина нашлись, из прошлых, еще молдаванских доброхотных дарений. Да еще и горячий душ оказался этажом выше, что уже совсем было чудесно. Ну, и погуляли по городу, конечно! Водил местный житель, преподаватель белградского университета, из прежних, тех еще эмигрантов, прибежавший «на погляд», прослышав о нашем «ходе». Шумно и весело рассказывал историю города и маловеселую-таки историю русской эмиграции, суровую и голодную для большинства, ибо и Сербия, принявшая к себе русскую армию Врангеля, разоренная войной, была в ту пору сурова и голодна. После ряда потрясающих военных побед над соединенной австро-

немецкой армией, численно превосходящей их в несколько раз, сербам пришлось-таки отступить к Салоникам. Уходила армия, уходили местные жители, дети и женщины, пробираясь зимою через албанские горы, и тысячами от голода, усталости и морозов умирали в пути... Ну, и после прогулки - ночь, и я верчусь, ибо она спит рядом же, тут, за стеной! Накрывшись своим красным пальто, которое так и стоит у меня в глазах символическим дразнящим пятном... Мне сейчас, по чувству, ровно на полвека меньше, чем на деле, и... И лучше уж перейду к описанию того, что и достойнее, да и значительнее моих интимных мучений.

Тем паче, что не все так уж просто в этом самом Белграде! Из Москвы прикатила целая толпа «букеровских» писателей (не удивлюсь, ежели прикатила, именно прослышавши о нашем «славянском ходе» и с целью нас упредить). И сейчас наводят тень на плетень на литературной встрече с сербами-писателями, объясняя, что именно они ныне, с их проамериканскою заумью, являются умом, честью и совестью русской литературы...

С утра является товарищ из посольства (заместитель нашего белградского посла, будем называть его для краткости «послом»). Многократно извиняясь, везет показывать Белград. Посетили кладбище, кладбище-парк, где плиты с именами погребенных здесь сербских и русских воинов минувшей войны лежат прямо на газонах... Чем-то это хорошо! Усопшие как будто свободнее общаются с живыми, чем на обычных кладбищах, куда уже не приходят просто гулять и где дети не играют на дорожках. Через день мы придем сюда снова, вместе с сербами, в день памяти, когда у входа будет играть военный оркестр и стоять строгий ряд воинов, а мы, среди прочих, подойдем со знаменами - нашим Самарским и русским трехцветным, а после посетим и расположенное напротив нового старое кладбище, с единственным в своем роде памятником двум миллионам русских солдат, погибших в Первую мировую войну. Русские могилы тут, по времени, начинают исчезать, заменяясь сербскими. В Белграде все меньше и меньше наших соотечественников, и за могилами некому смотреть. Слава

Богу, что здесь мы были уже без нашего «посла»!

«Посол» медоточив, красноречив. Вздыхал о сложной ситуации, когда местные органы власти захвачены оппозицией. Притом ни слова о Войславе Шешеле и Радоване Караджиче. Когда спрашиваем, отвечает: «Тут двадцать оппозиционных партий, нам очень трудно работать...» О том, что происходят политические убийства, борьба идет не на жизнь, а на смерть, тоже ни слова, разумеется. Как проехать в Республику Сербску и на Косово, он не знает (и, разумеется, ехать не советует!). А человек, который мог бы нам помочь, оказывается, лежит в инфаркте, и трогать его нельзя. К счастью, «инфарктный» товарищ, прослышав о нас, прибегает сам, бодр и свеж, тотчас созванивается с министерством культуры Сербской республики и все устраивает наилучшим образом, и мы едем, едем! Но до отъезда еще - посещение русского кладбища, еще служба, еще угощение в подклети церкви. Еще прогулка по историческому центру Белграда, на высоком берегу, с которого красиво внизу смотрится Дунай, по фортам старой крепости, разрушенным и восстановленным вновь, и, самое интересное, показывают римский колодец, невероятно глубокий, похожий на врытую в землю крепостную башню. Каменный цилиндр, а вокруг - каменная же, перекрытая сводами лестница с редкими окнами внутрь колодца. (От окна до окна - полный мрак.) По лестнице спускаюсь вниз, вниз, вниз, лестница кажется бесконечной, со сводов капает вода, и оторопь берет: до чего же основательно строили римляне! Ведь две тысячи лет! Наконец ноги, с очередной ступени, попадают в воду. В прогале окна видна недвижная, но прозрачная влага, не позеленевшая, не замутненная за два-то тысячелетия! Разве разорванный бумажный пакет, брошенный кем-то, мокнет в воде.

На третий, кажется, день нас принимает сам патриарх Павел, что нашего «посла» повергает в сущий ужас: «Как? Он вас принял?! Он же не принимает никого!» (Подзаголовок посольской ламентации: что же мне-то с вами делать теперь, как извернуться, чтобы всем угодить!)

Патриарху не то восемьдесят четыре, не то девяносто четыре года.

Принимает он нас в церкви стоя. Выслушивает наши приветствия и объяснения с каменным лицом, не моргнув. С тем же выражением полной отрешенности, как бы уже с того берега жизни, говорит нам проповедь на тему: быть «кроткими, как голуби, но мудрыми, как змии». Я только потом понимаю, что к нашему «славянскому ходу» проповедь имеет прямое отношение, а совет контролировать разумом движения души, которые без того могут завести не туда, куда надобно, - самый разумный совет в нашей непростой миссии.

Мы с Ермолаевым еще попадаем на белградское радио, Тимофеев присутствует на литературной встрече, той самой, «букеровской». Я еще успеваю попасть с двумя Дмитриями в закусочную и отведать местной еды. (Строго говоря, не вкусив национальных блюд, постигнуть страну, в которую ты приехал, затруднительно, и те, кто избегают этого, теряют до половины впечатлений. Надо отведать и местного слоистого хлеба, испеченного с сыром, надо попробовать и местных острых приправ. Я, во всяком случае, всюду, куда попадаю, ежели, конечно, позволяет вечно тощий кошелек, стараюсь попробовать чего-нибудь специфически местного, дабы через еду хотя бы приобщиться к незнакомой жизни.)

«Посол» еще тщетно пытается нас испугать возможными военными осложнениями на границе Черногории, но от нас как-то все эти испуги отлетают, словно горох от стены, нам «жалость» достичь Адриатики! «Спала князю ум похоть, и жалость ему знамение заступи: искусити Дону великаго». Самое смешное (и трогательное!) при этом, что чем дальше и опаснее, тем с большею душевною щедростью нас принимают, и уже на месте, в Республике Сербской, размещают в полупустом сейчас горном курортно-лыжном комплексе Яхорина, в номерах, и кормят обильно, а вино подливают по мере опорожнения сосудов - пей не хочу!

Что же касается обещанных нам эксцессов, в реальности произошел только один: когда ехали через Косово, какая-то девица-албанка сзади бросила камень в нашу машину. Я бы того и не заметил даже, кабы нам не

сказали. Косово сейчас населено албанцами-мусульманами, их тут уже около миллиона, вдесятеро больше, чем сербов, и обстановка критическая. А меж тем Косово - историческая территория сербов, их прародина, можно даже сказать. Это как для нас - Волго-Окское междуречье с Москвою и Владимиром.

Но я забегаю вперед.

Именно из Яхорины мы ездили на автобусе в Пале, куда, с потерей после Дейтонских соглашений почти всего Сараево, переместились правительство и университет Республики Сербской. Ездили на встречу с министром иностранных дел Бухой и министром культуры, ездили для выступления в университете.

Как мне показалось (не настаиваю на своих наблюдениях!), местные руководители были порядком-таки напуганы (или утомлены) наездами наших демократов и их представителей, симпатизирующих, по приказу из Вашингтона и Бонна, больше хорватам и боснийским мусульманам, чем сербам. (Недаром же и медаль имени Жукова вручили эсэсовцу и убийце Туджману от лица правительства СНГ! Выдающийся образец дипломатического бесстыдства и низости!)

Во всяком случае, министр, как нам сообщили, принять нас не может, у него важная встреча, примет не то зам, не то зам зама. Но последний, послушав нас, объявил, что сам зам нежданно освободился. А тот вскоре объявил, что по счастливому стечению обстоятельств важная встреча министра оказалась отложенной и потому министр сможет принять нас сам. Встреча, разумеется, прошла очень тепло, со вручением нами памятных подарков, со взаимными заверениями в дружеских чувствах, вполне реальных с той и другой стороны, в отличие от массы подобных встреч, где слова не означают ничего, кроме обязательной дипломатической вежливости.

Нам рассказывают, ничего не скрывая, о той страшной изоляции, в которой очутилась «Республика Србска» после козыревского предательства. Повторяют вновь и вновь, что для уничтожения Сербии надо было

уничтожить Россию, а уничтожение России проигрывается здесь, в Сербии (распад Югославии послужил прообразом распада СССР).

«Равновесия в мире не будет, пока Россия не утвердит равновесия со Штатами. Ислам тоже стремится к уничтожению православия, и опять же в Боснии проигрывается то, что собираются устроить в России и уже начали (в Чечне). Ну, а уничтожив нас и вас, мусульмане столкнутся с католиками за господство на планете!» Сербы в этом раскладе не учитывают Китай, слишком далекий от них. Но нам-то надо и эту беду понимать!

Восстание в Сербии в 1941 году, рассказывают нам, отсрочило на два месяца начало Отечественной войны. Говорят нам, что сербы ожидают, когда Россия пробудится наконец, потому что это сразу поможет и Сербии. Рассказывают об экономическом положении республики. Гуманитарную помощь сюда присылают Греция (больше всего) и Болгария. В основном еду. И продукты раздают у них даром. Тут можно автостопом проехать всю республику бесплатно - люди научились помогать друг другу. Наш Лужков строит восемьдесят домов для беженцев с захваченных территорий. Это - подарок Москвы. Со сменой Козырева на Примакова, говорят нам, наша политика стала выглядеть много достойнее.

«От России мы ждем, - говорят нам сербы, - поддержки Дейтонских соглашений (даже они нарушаются противною стороной!) и помощи в сближении православных стран. В союз православных стран могли бы войти пятнадцать государств». Однако эта идея, которую высказываем и мы, без помощи правительств не может найти поддержки. Ежели бы десять-пятнадцать православных государств стали на сторону Республики Сербской, все бы изменилось и тут. Республика богата, обильна водой и лесом, здесь хорошая земля. Погибло двадцать тысяч бойцов, да вдвое - мирных жителей, да на каждого убитого приходится еще двое раненых, а сербское население с 1600 тыс. уменьшилось до 1300 тыс., однако ни голода, ни эпидемий не было, школы работали, студенты учились. Одеты сравнительно хорошо, и люди живут лучше, чем в Румынии и даже Болгарии, хотя используется всего

20% довоенных экономических возможностей.

Запад оказывает непрерывное экономическое давление на республику, помощь и кредиты даются только Боснии и Хорватии. Республику Сербску хотят вновь отдать под Боснию с Герцеговиной, то есть под власть католиков-хорватов и мусульман. Кредиты Республике Сербской западные страны обещают только в обмен на политические уступки.

Сербам необходима наша экономическая помощь, и даже не помощь, а продуктивные взаимовыгодные связи с нами, дабы оторваться от Запада - на культурном и духовном плане, на информационном плане и на экономическом. Сближение с нами - гарантия безопасности для республики, для которой любая форма интеграции с католиками и мусульманами означает новую волну убийств и новый геноцид. «Разделенные, мы можем жить нормально».

Какова роль сил стабилизации? Сперва были войска ООН. Потом войска стабилизации (СВОР) начали вмешиваться в дела республики. Блокировали телевидение, меняют людей в полиции. «Сейчас мы требуем, чтобы СВОР вернулся к своим прямым обязанностям, а не готовил войну или тихий захват Республики Сербской».

Говорим о языках. Языки начинают расходиться, появляются местные диалектные различия, и процесс этот «заинтересованные лица» всячески торопят. (Ну все как у нас! Тот же почерк, да и те же исполнители!)

В итоге войны до полумиллиона сербов были выгнаны с мест своего проживания и около полумиллиона хорватов и мусульман ушло в Германию. Но в состоявшихся в республике выборах эти зарубежные граждане участвовали, присылая свои бюллетени, что осложняет донельзя политическую ситуацию (в республике, в одном из городов, мусульмане таким образом, присылом голосов из Германии, получили большинство, и сейчас идет тяжба).

Такова вот ситуация. Ну, а шныряющие по дорогам бронетранспортеры «войск сдерживания» мы видели сами. По сути, будет (продолжается)

скрытая война Запада против православных сербов.

Встреча происходит в одноэтажном, выстроенном покоем, доме, похожем не то на поместье петровских еще времен, не то на советскую школу в каком-нибудь провинциальном поселке... Город Пале явно растет на глазах, люднеет, устраивается, разрастается. Университет тоже располагается тут, в такой же одноэтажной времянке. В Сараево при разгроме университета мусульманами была уничтожена и библиотека. О безобразиях, творимых защитниками мусульманской демократии, лучше тут даже не говорить. Профессура, насилующая сербских студенток перед тем, как воткнуть им штык в живот, - это не для нормального понимания... Так вот, все богатейшее книжное собрание университета в Сараево было попросту сожжено. И наш главный груз - это как раз книги: учебники и словари для воссоздаваемой университетской библиотеки. Мы складываем их в комнатах стопками у стены библиотеки как таковой еще нет. Еще ничего нет, но преподавание уже ведется. И пожилой преподаватель с редкими висячими прядями полуседых волос, обращаясь ко мне, сказал: «Молодой человек! Вы старше меня, но все равно, молодой человек...» Я его понял. Мы не видели, не испытали того, что видел и испытал он.

Собрались студенты. Все черноголовые, худощавые, как выяснилось вскоре из вопросов, отлично знающие, что происходит в нашей стране, что творится в политике и что - в кругах церкви. На один из вопросов я даже не мог ответить толком, и дело спас все знающий Шуртаков. Обычные студенты, но что-то заметно отличало их от всех прочих, хотя бы и тех, с коими мы говорили в Минске. У всех этих юношей и девушек, таких же живых, улыбчивых, таких же поначалу шумных, у всех у них были особенные глаза. Глаза, подобных которым я не видел больше нигде. Нет, эти молодые люди не потеряли ни веселости, ни юности, не разучились смеяться и любить, но глаза у них были взрослые. У всех. Глаза, видевшие то, что обычному человеку видеть нельзя, не можно. А они - видели. И стали взрослыми на всю последующую жизнь.

Не буду повторять того, что я говорил им. Говорил то, что должно, разом решительно открестившись от действий нашего дорогого правительства и принеся повинную в том, что мы это правительство до сих пор терпим. Говорил, понимая, кто слушает меня и что все те, кто готов был удрать, давно уже удрали отсюда. Слушали хорошо. И не я один говорил, разумеется. Здесь не нужны были дешевые приемы для удержания внимания аудитории. Здесь, кажется, вообще не нужно было ораторское искусство, только правда. Сказал, конечно, что горжусь тем, что один из моих сыновей был добровольцем в рядах сербской армии, и что ежели бы у нас с Сербией была общая граница, то русских добровольцев здесь была бы не тысяча, а, по крайней мере, десятки тысяч, если не сотни, и многое, верно, тогда повернулось бы иначе в этой войне... (Честно говоря, и сам бы пошел, невзирая на годы!)

Сказал, что отношение русского народа к Сербии совсем не то, что отношение наших средств массовой информации и правительственных и дипломатических органов. И, говоря это, с горем понимал все-таки, что тут, в Республике Сербской, нужны не слова, а дела! А что мы сделали, дабы защитить братьев своих, что мы сделали такого, чтобы хоть в ничтожной степени быть достойными наших прадедов, спасших сто двадцать лет назад Болгарию от турецкого погрома? И ведь сербам и помочь-то было легче всего! Дать оружие да бензин для танков! И не присоединяться, разумеется, к западным санкциям против Сербии! Предающий друга всегда, в конце концов, погибает и сам.

Ну, после выступлений, конечно, пили кофе, разговаривали уже с профессорским составом, насколько можно - откровенно (тут-то и предложила Надежда Георгиевна поработать у них). Но этих вот студенческих глаз в Пале мне не забыть во всю оставшуюся жизнь! И еще было одно выступление. Перед школьниками. В Сараево, на том остатнем пятачке сербской земли с населением всего в тридцать тысяч человек, что оставили сараевским сербам по Дейтонским соглашениям (двести тысяч

сербов были вынуждены покинуть город).

Шумная ватага веселых ребят наполнила зал. И у них были тоже те самые взрослые глаза! И в конце уже мы все пели хором сербский гимн, и зал пел с нами. И было - до слез. Вспомнился сейчас сербский мальчишка, встреченный на дороге. Мы сидели на обочине, завтракали. Он первый заговорил с нами, сообщил, как его зовут, а потом сказал, что когда вырастет - будет бить мусульман. Вадим, конечно, поморщился, а я вот теперь думаю: а почему, собственно, нам раз десять показывали по телеку такого вот увешанного оружием мальчишку-чеченца и почему даже не заикнулись об этих вот мальчишках, случайно оставшихся в живых, когда убивали их родителей, и готовых, когда вырастут, мстить за «братью свою»? Здесь, в Республике Сербской, особенно наглядно видно, на кого работают наши СМИ! И ведь показывали эвакуацию сербов из Сараево! Показывали! Но каких-то неопрятных стариков, не мальчишек этих, боевых и веселых, со взрослыми глазами...

Уже вечером, когда нас кормили в каком-то ресторане-погребке, местный мэр (он и шутил, и смеялся, и вообще был мужчина хоть куда) уже в конце вечера вдруг сказал, понизив голос: «Это все хорошо, борьба за мир, дружба народов, но тут у нас, к сожалению, национализм... Мы не закрывали школ во время войны. Продолжали учить детей. Но после уроков они все шли в окопы, брали оружие и дрались. Вот эти самые школьники. Так что тут - очень трудно...» Он не договорил, замолк. Молчание само досказало за него остальное. А я еще раз подумал о западных товарищах. (Один такой приезжал и к нам в Новгород, и так же бессовестно врал, обвиняя сербов в тех зверствах, которые творили хорваты. Я уже после его биванья прочел письмо хорватского усташа с угрозами случайно оставшейся в живых тогдашней семилетней девочке, теперь уже бабушке, всю семью которой перебили они в минувшую войну, а грудного младенца зажарили и съели. «Я никогда не ел ничего вкуснее сербятины!» - писал этот старый людоед, благословляемый на дальнейшие подвиги самим папой римским.

Единственный случай? Точнее, единственный из двух миллионов с лишним подобных же случаев, ибо хорваты в минувшей войне сотрудничали с немцами и ухитрились отправить на тот свет в своих лагерях более двух миллионов сербов.)

А сто семьдесят тысяч убитых (и миллион сбежавших) православных в конце прошлого века в Галиции, где такими вот истинно христианскими методами вводилось униатство?

«Сто тысяч мавров были крещены, кто не хотел креститься - перебиты!» Этот бодрый стих из «Песни о Роланде» тоже не стоит забывать, говоря о католичестве, как и сожжение индейских библиотек в Америке испанскими миссионерами...

И сравним все это с деятельностью в XIV веке того же Стефана Пермского, крестителя и просветителя зырян, создавшего для них грамоту на родном зырянском языке...

Православные миссионеры никого не крестили насильно!

Сейчас на Западе хлопочут о выдаче Гаагскому суду Радована Караджича, руководителя боснийских сербов (сербы его, естественно, не выдают!), который никаких зверств не совершал, и приветствуют двух преступников - хорватского руководителя фашиста Туджмана и мусульманского руководителя Боснии Илию Изетбеговича, совершивших столько преступлений, что никакому суду, даже Гаагскому, присниться не могло.

Прощай, Яхорина! Прощай, модный курорт, куда мне в благополучные-то времена да за свой счет никогда бы и не попасть! Тут такие цены за номера, что только «новым русским» и впору! Прощайте, горные красоты, воспетые миллионами реклам и потому как бы покрытые легким налетом сладкой патоки, стремительные вершины в белизне снегов, игольчатый лес, терраса, нависшая над пропастью, где я целовался с женщиной в красном пальто, с гривой крашеных рыже-каштановых волос (целовался и фотографировался в обнимку - где сейчас эта фотография,

проявлена ли она?).

А внизу, в распадке, открывалась панорама все тех же гор, розовых на заре и бесконечно, невзаправдашно красивых.

Мы едем дальше. Втягиваясь в горы, дорога минует пятикилометровую мусульманскую зону и мусульманский полицейский пост. Провожающий нас серб Бранко сидит ни жив, ни мертв. Он был в плену, и его лицо показывали по телевизору. Узнавши Бранко, мусульмане могут забрать его снова в плен. К счастью - обошлось.

Мы едем в Цетине, где нас опять возьмет под свое крыло церковь. Перед нами отвесные стены гор, в которых река за тысячелетия промыла узкую ножевую щель. Дорога жметя к скале, а река шумит рядом в десятке метров ниже. Стоит сосупить - и окажешься в пропасти. Вот в этих неприступных горах и живет неприступный народ - черногорцы, в иные районы Черногории и турки не добирались за все века своего господства. Это они, черногорцы, в минувшей войне писали на скалах, приводя в бешенство гитлеровцев:

«Нас и русских двести миллионов!» (А в застольной беседе добродушно добавляли порою: «А без русских - три грузовика!») Три не три, но Черногория была почти неодолимым бастионом во всех прошлых войнах и с любым врагом, а врагов у Черногории хватало-таки - от турок до наполеоновских солдат.

Дорога (и наш автобус) медленно ползет вверх и вверх. Уже среди скал, увенчанных буйной растительностью, начинают проглядывать, в прорывах, розовые от заходящего солнца вершины гор. Окоем раздвигается вширь, а по сторонам являются немудреные дома, жердевые ограды, груды камня на полях, как у нас в Карелии, лошади, коровы и овцы. Местами лежит уже и снег. Мы поднялись почти на два километра над уровнем моря (ну, не два, так полтора, во всяком случае!), дальние вершины - в снегу, а ближние склоны одеты тяжелой медью осенних лесов... Вспоминаю, ни к селу ни к городу, дорожный эпизод, кажется, на обратной уже дороге. Нас догнала

легковушка, и водитель, прочтя надпись на борту автобуса - «Россия», переспросил: «Россия? Русские?» - и протянул нашим ребятам сто марок - возьмите, выпейте за мой счет! По застенчивости не взяли, быть может, даже и обидев этим безвестного дарителя...

В одном из горных прогалов с выси открылось озеро, все в мысах и островах - точно жидкая луна, налитая в каменную, причудливо изузоренную чашу. И на холме над озером крохотная церковка, со звонничкой над порталом, с полукруглой алтарной апсидой, но без купола. И все как у Рериха: неясно, где селение и как тут взбираются на гору? И вообще, не сказка ли это, не горное ли видение христианской страны? К сожалению, остановиться, сходить, поглядеть - не можем. Нет времени. Да и как туда пройти, непонятно совсем! Ночуем в Цетинском монастыре, у митрополита Черногорского Амфилохия. Владыка хлебосолен, кормит, угощает вином (вино здесь пьют, как у нас в прошлом пили квас). Он отлично говорит по-русски и тоже в курсе всего творящегося в нашей стране, говорит о надобности канонизировать государя, об униатах и, разумеется, хоть и сдержанно, о политике. Мы у друзей и с друзьями - чувство, которое не покидает нас с того мгновения, как мы пересекли границу Республики Сербской...

Пока искали дорогу к монастырю, сбились, поворотить на узком шоссе было невозможно, заехали, чтобы развернуться, в деревню. Разворачиваясь, раздавили каменную ограду, кажется, однако, никого не обидев этим. Жители, немногословные горцы, сами помогали нам выбраться, подкладывали камни под колеса, чем-то даже угощали редких здесь русских путников...

Едем, едем, едем, и вот мы наконец начинаем спускаться с гор и в полной темноте прибываем в монастырь Режевичи на побережье Адриатики, на горном склоне, под неистовый ветер, разматывающий кипарисы и вздымающий незримые нам волны ночного моря. Утром открылась башня, храм, скупо, но красиво украшенный, галерея и дальше - внизу и вдали, до

края неба - несравненной голубизны чаша Адриатики, воспетой еще поэтами Древнего Рима.

Ночью нас встречали, кормили и разводили по кельям монахини, одна из которых впоследствии оказалась экскурсоводом и не монахиней вовсе, а подрабатывающим преподавателем (схожие с нашими процессы идут и тут).

Утром под звуки колокола устремляемся в церковь. Стоим в очень негустой толпе прихожан. Храм старинный и весь расписан фресками. Мне очень хочется причаститься тут, на всю бы жизнь воспоминание! Но нельзя. Причащают здесь сурово, после трехдневного поста, и мы получаем только по кусочку сухой просфоры. И тут же, еще до нашего отъезда, в монастырскую церковь к венчанию прибывает свадьба. Не успеваю принять солидную разницу в возрастах жениха и невесты, как мне говорят, что невесту ведет совсем не жених, а его дядя, а жених уже в церкви. Девушки-подружки затевают коло у самых церковных дверей, вовлекая в круг и мужчин, и женщин. Тут и я не выдерживаю тоже, становлюсь в круг, на меня не смотрят - все пляшут, все бешено несутся кругом, и я пляшу вместе, так и не поняв до конца, не зазорно ли было мне, приезжему, ввязываться в эту почти обрядовую пляску.

Ну, а дальше, вкусно и досыта накормленные игуменом Мардарием, - опять в путь, теперь уже в Котор и оттуда в Пераст, где должно нам опустить в море венки. Дорога вьется по склону. Справа уходят ввысь вереницы гор, слева, внизу - санатории, дома отдыха, гостиницы. Тепло. Где-то останавливаемся у древнего монастыря. Узластые оливы осеняют дорогу, спелые ягоды лежат на асфальте. На деревьях там и сям еще не убранные лимоны и гранаты. Дивная земля, дивный край! Вот остров, соединенный с землею не то узкой отмелью, не то дамбой, покрытый весь красными крышами особняков и зеленью. Здесь строили себе дворцы местные династы, каждая крыша - помещение для одного человека. Сколько стоит этот отдых теперь, когда дворцы превратились в гостиницы (но по-прежнему каждая - для одного гостя!), лучше не спрашивать. Здесь отдыхали английская

королева, какие-то суперзвезды кино и наш Ельцин. Не буду тут восклицать и вопрошать, сколько это стоило нашему государству. Я не ханжа, а правитель такой страны, как Россия, не должен, разумеется, жить в коммуналке и считать медяки (пардон-с - тысячи), отправляясь на отдых.

Я не против больших богатств, были бы они заслуженно добыты! Великая ошибка Маркса (а быть может, да и скорее всего, намеренная!), что он совсем не учитывал в своей системе ценности личного труда капиталиста, промышленника, создателя (что переняли и мы, буквально наплевав на инженера и лишив руководителей производства всякой самостоятельности). А меж тем роль организатора, устроителя очень велика, можно даже сказать - кардинальна. То же самое предприятие может работать и в убыток, и с прибылью единственно по вине руководства (вспомним хотя бы нашего Путилова). Обычные обывательские возмущения богатством с требованием все отобрать и поделить исходят из того же эгоистического личностного начала, как и у рэкетира-мафиози, хапнувшего миллиарды народных средств. Завистливый бедняк и разбогатевший мафиози в этом смысле ничем друг от друга не отличаются. И, однако, несправедливость богатств, сосредотачиваемых в одних руках, это факт, и осознать, точнее, оценить его на личностном уровне нельзя. Хотя «отобрать и разделить поровну» - это тот же грабеж.

Суть дела надо рассматривать с общественной, соборной точки зрения. (Слабость современного европейского мышления в том, в частности, что оно, по сути, целиком «личностное», исходящее из интересов отдельного человека, и посему упирается в конечность бытия такового отдельного индивида. «Я умру, и все кончится со мной!» Отсюда и возникает желание награть, прожить и сдохнуть с криком: «Спасите! Я жить хочу!»)

Но с соборной точки зрения все выглядит иначе. Жизнь не замыкается на личности. Богатство, добытое одним - справедливо добытое! - достается детям. И тут вопрос: когда речь идет уже о сверхбогатствах, имеют ли они право на все это добро? Имеют ли вообще люди право жить не работая?

Обществу в целом нужно наилучшее и наиболее полное использование талантов своих граждан, как и занятость их производительным трудом. А необученные дети бедняков, тем более ежели они талантливы, - это потеря для всей нации.

И исторический процесс, сопровождающийся выделением элиты и последующим, с потерей талантов и работоспособности, медленным ее угасанием, с заменой отжившего новым, - это процесс безостановочный, неустрашимый и морально правильный, и ему надобно только помогать. В ближайшей перспективе введением всеобщего равного и бесплатного образования (кто не способен учиться, отсеется сам). Вторая, подчиненная первой надобность - это некоторый минимум материальной обеспеченности, опять же для всех, точнее, для трудящегося большинства. Современное западное общество обе эти задачи выполнило. (Опускаем пока геополитические проблемы, вопросы: «Как?» «И за чей счет? », бессовестность по отношению к другим народам, учение о «золотом миллиарде» и т. д.) Как ни странно говорить, коммунизм эти задачи тоже частично выполнил. Образование у нас было бесплатным, и на улицу никого не выбрасывали. Лишь наша охранка, пресловутые «органы», отлавливая и уничтожая лучших (одно убийство Вавилова, к примеру, трагедия для всей страны!), сводили на нет все эти несомненные достижения социальной системы. Ну и опять же, полная зарегулированность общественного производства, вкупе с запретом самостоятельно мыслить, не давала развития хозяйственным талантам. Наше общество плохо востребовало таланты нации, хотя само способствовало подготовке их. Поэтому мы имели замечательные научные кадры, но плоды их труда шли в дело с невероятными задержками и скрипом. И вопрос должной организации общества заключается только в том, какое богатство допустимо, а какое нет. Воровство и продажа необработанного сырья, сырой нефти, круглого леса, что тоже является воровством (только первое - у отдельных граждан, а второе - у всей нации), недопустимо. Я говорю в целом, не касаясь отдельных

сторон. Сырье продавать тоже можно с толком, как это делают арабы. Создание же промышленных производств, внедрение наукоемких технологий, вообще всяческое увеличение товарной массы не только допустимо, но должно всячески поощряться - снижением налогов, льготами и т. д. Только подчеркнем: увеличение товарной массы, развитие производства должно сопровождаться одновременной экономией природных богатств. Вот это и будет нормальный путь развития! Так, шведы за двадцать пять послевоенных лет вдвое уменьшили объем рубок и одновременно вчетверо увеличили выход полезной продукции (то есть в восемь раз!) за счет полной утилизации сучков, хвои, листьев, смолы и т. д., всего того, что сжигалось и выбрасывалось.

Мы знаем, что за счет селекции в растениеводстве и улучшения пород скота можно и сельскохозяйственное производство на тех же площадях значительно увеличить. Ну а полная утилизация всех отходов вообще может дать нам безмерную прибыль. Бережение природы тоже прибыль человечества, и, может быть, самая основная. Ибо, чтобы сохраниться на Земле, человек обязан потреблять не более того, что природа способна восполнить за тот же период времени. И с этой точки зрения, начиная со сжигания каменного угля, экономика человечества и главное - его энергетическая база стали безумными, и мы сейчас безостановочно летим к пропасти. Мы все. Все народонаселение Земли. Возможно, что и невероятные жестокости нового времени, как и учения типа «золотого миллиарда», коему разрешено жить на Земле, других же надобно уничтожить, - есть лишь извращенное отражение в головах людей этого всемирного энергетического, а вместе с ним и духовного кризиса.

Красивый остров, уставленный особняками под красными крышами, остров, где нам с вами никогда не бывать, остается позади. Дорога вьется по склону, и все так же справа уходящая ввысь темная зелень кипарисов и узластые извитые стволы и ветви олив, а слева уходящие вниз купы деревьев, среди которых выглядывают белые домики. Вот церковь, вот монастырек на

мысу над морем, и уже скоро, вот за тем поворотом - Котор, к которому мы спускаемся долиною между гор.

Впечатление такое, как будто бы столпившиеся горы погрузились подошвами в море и среди них образовался залив с извилистым выходом в Адриатику, невидным из самой бухты. Низкий, белый, залитый солнцем городок у голубой воды. Он весь маленький, двух- и трехэтажный, а над ним, со всех сторон, серые с кое-где зелеными пятнами по серому камню до половины неба подымающиеся горы. Горы, приплюснувшие человеческое жилище у подножий своих. Дорога идет уже вдоль самой воды, и все: и пароходы, и базар, и люди, и низкая средневековая крепостца, как уверяют, в свое время лучшая на Адриатике, и эти серо-белые, сложенные из известняковых квадров, облитые солнцем здания, со ступеньками вверх, ибо второй ряд домов уже лепится к крутосклону, - все издали кажется чем-то вроде белой пены прибоя у высоких скал, и только. Так высок и величествен горный амфитеатр, заключивший эту голубую бухту в свои каменные объятия.

Мы ждем местного батюшку, спешим обежать базар, как всегда опаздываем, доводя нашего патриарха Маслова до белого каления, наконец едем дальше. Городок Котор плавно переходит в другой городок, Пераст, конечную цель нашего «славянского хода». Здесь вот и учились первые петровские мореходы! Вот в этом двухэтажном домике на склоне горы, куда ведут каменные ступени и где сейчас кто-то живет. Лишь выцветшая надпись на мраморной доске удостоверяет, что именно в этом доме учились первые присланные сюда «птенцы гнезда Петрова». Юноши, собственно, сперва были посланы в Венецию, но там не нашлось православной церкви, а для тогдашних русских это был не сторонний вопрос. Почему и перебрались в Пераст.

«Как они тут все помещались?» - недоумеваю я.

«Так русские! Наши русские всюду могут жить!» - с легким прищуром отвечает Наталья Павловна, сама героически выдержавшая все путешествие,

невзирая на отекающие ноги.

Да, верно, могут! Ну и, конечно, возможно и то, что спали не все тут, а по соседним домам. Но учились тут, тут овладевали мудренными для них приборами, а уже на корабле разбирались со снастями и такелажем.

Мы находим удобный спуск к воде. Венок тяжелый и должен потонуть. Еще в дороге вышел спор: Вадим предлагал венок не топить, а положить в местном музее. Решили все-таки утопить. Вчетвером, отчаянно мешая друг другу и спинами закрывая картину от оператора - Вадим, забегаю сбоку, снимает, торопясь не упустить главный момент, - опускают венок в залив. Венок косо и тяжело уходит в воду, пуская вереницу мелких пузырей. Все. Учитывая посольские представления, Маслов почел за лучшее адмирала не вызывать, хотя поначалу планировался прилет в Белград и адмирала флота, и ректора морской академии Гальянова. А мне почему-то жаль, что это не состоялось. Увидеть все это, и лица сербских детей, и горы, и белые храмы, и оливы, и лимоны на ветках, когда в Мурманске уже мороз и снег, - увидеть все это, прикоснуться, вдохнуть теплого ветра Адриатики! Или уж они за свои жизни навидались всякого, и все это им теперь не в диковинку? Или груз возраста, дел и трудов притушил в них юное стремление к неведомому? Стремление, коего у иных и вовсе нет, у кого-то пропадает с годами, и лишь у немногих сохраняется до гроба лет!

Мы опять поднимаемся по серпантину дороги, оставляя за собой эту дивную, нерукотворную и рукотворную красоту. И как-то чувствуется, что предки были правы, что не только трудные условия, но и некий высший смысл присутствовал в том, что храмики и монастыри, поставленные здесь, малы и нероскошны, ибо роскошь перед лицом этих мощно надвинувшихся гор показалась бы суетной и мелкой. И гораздо лучше так, как есть! Когда человечьи жилища не спорят с природою, не лезут наглым нагромождением бетона, а именно ютятся в изножьях и распадках гор, как юрты Монголии, как села и сельские храмы России. Или это наша общая славянская (восточнославянская!) черта - вписываться в природу, а не воевать с ней?

Добрая, ежели подумать, черта! Хотя и западная роскошь камня, средневековая устремленность ввысь будут привлекать и привлекают нас всегдашнею своею рукотворною мощью. (Мы и целый Петербург построили по западному образцу!)

Моей Светлане кто-то сказал, что самые лучшие раковины можно купить в одном из местных приморских городков. Мы как раз ехали «через», и я привлек все силы для короткой остановки, во время которой оказалось, что никто тут раковин не продает (не сезон!), а сама Света даже и не вылезла из автобуса. *Sic transit gloria mundi* - «Так проходит земная слава» (и женские капризы тоже). А я, забившись в угол своего сиденья, записываю, перенося мысленно самого себя в первые века нашей эры, разъезжающимися от автобусной тряски буквами:

Одиночество, вилла, вечер.

Адриатики вечный прибой.

Никотрис золотистые плечи

Мне видны на тропинке крутой.

Изгибаясь, несет амфору

С молодым фалернским вином

(название вина надо бы, конечно, найти местное, далматинское!).

Ночью к ней проберется в камору

Молодой пастух Антоном.

Он не знает стихов Гомера.

Он в навозе по целым дням.

Никотрис, молодая Венера,

Почему ты не любишь меня?

Почему так победна юность,

Так стремителен времени бег,

Почему, неприметно сутулясь,

Разрушается человек?

Я гляжу на раскрашенный мрамор

В окружении пиний и роз.
Мой устроенный мир из камня,
Что ты мне на закате принес?
Одиночество и отчаянье,
Адриатики злой каприз.
Ты хотя бы взгляни на прощанье,
Я люблю тебя, Никотрис!

Возвращаемся в Цетине, в семинарию. Здесь нас ожидает обед, и ректор отец Иоанникий, невероятно высокий и столь же невероятно худой человек, а впрочем, живой и веселый и опять же свободно говорящий по-русски, принимает нас за столом, а семинаристы, рослые юноши, человек шесть, поют для нас, и поют на диво хорошо. Духовное сперва, а потом и светские сербские песни. У одного высокий лоб, удлиненное аристократическое лицо, удивительно красивые губы, да и взгляд «породистый», иного слова не подберешь. Он, кажется, и заправляет хором. Изредка улыбается, и каждая улыбка - как подарок. Поют они, и провожая нас, уже на дворе, перед автобусом, и песни звучат мощно, победно, и в звуках - вера, что этот народ выстоит, вынесет все, что свалилось на него однесь, и распрямится, как распрямляется согнутая стальная пружина.

Ночевали мы в Пече, в патриаршем монастыре, куда ехали через почти двухкилометровый перевал по покрытой снегом и льдом дороге через «Гору проклятий» (гора эта отделяет Черногорию от Албании). В Пече Патриаршем несколько церквей, частично соединенных друг с другом. Храмы расписаны фресками XIV столетия. Сербская живопись очень похожа на русскую, но суше, суровее. В изображениях очень много святых воинов с обнаженным оружием в руках. За дорогой, грубо отсыпанной из битого камня, шумит река. Монастырь - с этой стороны дороги. За рекой - зеленая гора. Над монастырем - гора темно-зеленая. В треугольном прорыве двух гор туда, откуда несет свои воды река, - угластые вершины дальней горы, белые от снега и желто-розово-золотистые, когда освещены солнцем.

Едем на знаменитое Косово поле, по дороге в Приштину. Горы раздвигаются вширь. Здесь вот и есть та самая автономная область Косово, сейчас заселенная албанцами-мусульманами, где в наш автобус бросила камнем какая-то молодая женщина (сравнить с тем мужиком, что ради надписи «Россия» давал нам сто марок, чтобы мы выпили за его счет!). А ведь Албания сто лет назад была почти православным государством, таким, как некогда Кипр, и во главе ее стоял, как и на Кипре, православный епископ. Но была и мусульманская оппозиция, глава которой нанял триста русских белогвардейцев, которые за иудины сребреники свергли в стране христианское правительство, передав власть мусульманам.

О чем думали эти люди, разбитые, потерявшие родину и... потерявшие честь? Неужели нам, ежели нас разобьют, достанется эта судьба - быть наемниками иностранных легионов, кого-то убивать, кого-то свергать, не задумываясь, кого и зачем. Страшная участь! Лучше уж вовсе не быть, чем быть таким русским. Об этом позоре и вспоминать тяжело, и писать тяжело, но надо и писать, и вспоминать надо! Позорное пятно на белых ризах надобно смывать, но не прятать...

И вот теперь, три четверти века спустя, Албания - мусульманская страна, и сербам дорого станет распутывать косовский узел, ежели его еще можно распутать!

Выезжаем из города в поле. Мягкие увалы, пологие берега неширокой речки. Памятная башня со входом наверх. Вот там располагались турецкие войска, во много раз более многочисленные, а там вон сербская армия, безоглядно кинувшаяся в атаку. Битва происходила почти одновременно с Куликовским сражением на Дону (Куликово - в 1380 году, Косово поле - 15 июня 1389 года), и там, и тут дело решал вспомогательный (засадный) полк. Только на Куликовом ударе засадного полка под руководством Боброка решилась победа русских ратей, а на Косовом поле изменою Вука Бранковича, который должен был ударить в тыл турецкому войску, но не пришел на помощь королю Лазарю, решилось страшное поражение сербов. И

напрасно отчаянный Милош Обилич, пробившись сквозь турецкие ряды, убил самого султана - турецкое войско тотчас возглавил младший сын убитого, заодно расправившись со своим старшим братом.

С турками дрались и после. И на том же Косовом поле одержали даже временную победу над ними, но в этой роковой битве 1389 года нация как бы надорвалась. Памяти о победах на Косовом поле не осталось. Осталась память поражения.

Все сербские богатыри, герои, юнаки, о которых слагали легенды, согласно тем же легендам, легли на Косовом поле. В стране не осталось героев. Наступил долгий турецкий плен, прерываемый вспышками народных восстаний. А теперь мусульмане-албанцы грозят захватить этот край и отделиться от Сербии. В сербских селах похищают людей, трупы которых потом, увозя в горы, сбрасывают в пропасти. Тут, конечно, не поможет никакое возмущение. Помогло бы, быть может, частичное выселение одних и обращение в христианство других, для чего, однако, нужны пламенные проповедники и сильная держава за ними, подкрепляющая духовное слово авторитетом силы. А сбежаться всем в Белград... Увы, это не выход! Это - смерть!

Отсюда, из Косова, мы уже устремляемся назад по прямой, никуда не заезжая, и лишь в вечерней Софии наш Маслов позволяет дамскому составу «на пятнадцать минут» сбежать в магазин... Увы! Пятнадцать минут разом превращаются в сорок пять - кто покупает туфли, кто выбирает себе кофточку, Светлана уже вертится в меховом зимнем пальто. Та же картина потом в Минске - словом, дисциплина разваливается, и наш «славянский ход» зримо обращается в обычную автобусную экскурсию. Но в Минске мы еще будем выступать, будем там же сражаться с оппозицией, выслушивая lamentации типа: а можно ли Белоруссию считать православной страной? Или: о каком патриотизме идет речь, ведь есть народность, народ и нация? Тут уж я взрываюсь, говоря, что все эти сталинской поры определения давно надо выкинуть в мусорную корзину, что есть, черт побери, Гумилев, и его

«Этногенез» надобно просто знать, а не повторять позавчерашние зады устаревшей науки, и т. д.

Очень хорошо выступает наш Маслов. Хорошо, достойно, со сдержанной страстью и даже почти со слезою, когда говорит о Сербии. Хорошо, ярко выступает Дорошевич, и чувствуется, что это идет бой, и в бою этом мы выигрываем. Два наиболее резких оппонента потом по очереди подходят ко мне: «Я вообще-то не читала Гумилева, но мне кажется... А что касается пассионарности, то, думаю, у белорусского народа ее совсем не осталось». И еще: «Я в общем-то с вами согласен. Я тоже за объединение с Россией!»

Дорогого стоит, когда в споре удастся убедить противника, обычно этого не происходит и каждый остается при своем мнении...

Мы еще где-то вылезаем, что-то покупаем, дабы истратить последние «зайчики» (в Болгарии и Молдавии накупили вина и фруктов). И уже от границы Белоруссии безостановочно катим к себе на север. В автобусе темно. Я делаю отчаянные усилия, дабы не лезть снова и снова к Свете целоваться, и я еще не понимаю, что сказка кончилась, что еду я домой, уже позвонил своей Оле, и она уже ждет нас, приготовив ужин и сдвинув стол и стулья. Виталий Семенович Маслов, все еще в запале скорости, решает было не заезжать к нам вообще, но я возражаю с укором: «Оля ждет!» И наш предводитель сдается. Ночь, и как ярко в доме, как весело за столом, как сияет Оля, встречая гостей (а мы еще доругиваемся со Светой, вознамерившейся невесть за что обидеться на меня под занавес). И я принимаю всю честную компанию и разливаю вино - наше, домашнее, оказавшееся на удивление лучше болгарского, и шучу, и благодарю за то, что зашли, а Наталья Павлов на тихо показывает мне большой палец: «У вас замечательная жена!» И так не хочется расставаться, и так все, все решительно, дороги мне сейчас! А Оля, в свою очередь, хвалит мне нашу Надежду Большакову (представителя маленького саамского народа etc.). И мы все хохочем и пьем, и Маслов, уже выгнав всех из дому, воображает

вдруг, что торопиться уже и не нужно было бы. Ну да не возвращаться же назад! И я вновь выхожу на улицу, провожаю, и сердце рвется...

Подумать! Еще два часа назад я не ведал, как ворочусь домой, промолчу ли, пощадив свою Олю, или расскажу ей все. Не знаю и теперь, встречу ли когда снова со Светой (скорее всего нет), хотя она еще долго будет сниться мне по ночам. Но я знаю одно: та, вторая, быть может, главная и святая любовь к Сербии, к этой до боли родной, великой и несчастной стране - уже не умрет в моем сердце никогда. И эту песню я еще долго буду напевать про себя:

Тамо, далэко, далэко от моря,
Тамо е село моз,
Тамо е Сербия.
Тамо, далэко, где цвети били крин,
Тамо су, животе дале
Заедно отец и сын.
Тамо, где тихо путае Морава,
Тамо ма икона бета,
И моя крена слава.

Переводить, я думаю, не надо.

1997